АЛЕКСЕЙ ГОГУА

ПОСТСКРИПТУМ

(СТАТЬИ)

АБГОСИЗДАТ
Аҟәа – Сухум
2008

76.02(5Абх)6
Г58

ГОГУА А. Н. ПОСТСКРИПТУМ. (СТАТЬИ) - СУХУМ: АБГОСИЗДАТ, 2008, 108 с.

Предлагаемая читателям книга - сборник публицистических статей известного абхазского писателя А. Н. Гогуа, где автор поднимает ряд острых проблем современной жизни Абхазии.

© ГОГУА А. Н. 2008 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Северная Ирландия, Белфаст, Уэльс, Кардифф, наконец, Лондон, столько звучных и заманчивых названий! И, честно говоря, сначала мои мысли были всецело заняты ими, а о целях и задачах нашей поездки я знал в самых общих чертах. А то, как все это будет проходить, и вовсе не представлял. Но плотность программы и графика, сравнимые разве что с плотностью населения Лондона, быстро протрезвили и ввели в курс.

Программа, действительно, была насыщенной и разнообразной. Из всего разнообразия вопросов я хочу выделить один, касающийся языка и культуры. Язык и культура в контексте конфликтов, прав человека, как характерное явление в регионах Соединенного Королевства, где имеются, как там называют, малоиспользуемые языки. Этому вопросу в программе было отведено много места и – соответственно - много встреч на протяжении всего пребывания в Северной Ирландии, Уэльсе, различных центрах, организациях, советах, комиссиях по возрождению, изучению, популяризации, преподаванию ирландского, валийского, ольстерско-шотландского языков.

Многие ревнители языка и культуры, занимаясь ими, стараются оградить их от политики. Действительно, язык и культура обладают известной автономией, но, хотим ли мы или не хотим, в то же время они имеют непосредственное отношение к политике. Ведь язык и культура предполагают народ. И в политических, этнических конфликтах не могут не присутствовать вопросы языка и, соответственно, национальной культуры.

Для нас, имеющих такой горький опыт ассимиляторской политики крайнего толка (это одна из самых острых и болез-

ненных составляющих конфликта с Грузией), эти вопросы представляли особый интерес. И очень было важно в этом клубке вопросов и противоречий разглядеть особенности языковой политики в этом конфликте, и, если возможно, во всем Соединенном Королевстве.

На первых порах нам показалось, что все эти вопросы, в связке с религиозными, притянуты к политике и все они имеют исключительно политическую окраску, что меньше всего идет речь о непосредственной заботе о языке и национальной культуре.

Меня лично, прямо скажем, постигло некоторое разочарование от того, что вопросы языка и культуры, как мне показалось, используются как орудие воздействия на политические решения, и как только конфликты получат разрешение, эти вопросы могут быть выброшены за борт.

Но потом, после неоднократных встреч в советах, комиссиях, библиотеках, на полках которых лежит прекрасно изданная литература на тех же языках, послушав разных деятелей, энтузиастов возрождения своего языка и духовной культуры, строки ирландских народных баллад на прекрасном, звучном ирландском-гельском языке, я понял, что все это не так просто и однозначно. Помимо политической нагрузки, которую действительно несет языковая проблема, существует искреннее стремление приостановить угасание языка и вдохнуть в него новую жизнь. При этом даже стороннему наблюдателю видно, как это трудно, особенно, когда уже слишком много упущено.

Действительно, в положении ирландского языка уже произошли изменения, трудно обратимые. Вследствие того, что с 16 века Ирландия была превращена в колониальную провинцию Великобритании, язык подвергался жестокой дискриминации, уже к началу 19 века английский язык стал там не только языком общения, но в основном вытеснил родной ирландский и занял его место. Если всемирно известные ирландские писатели, поэты, такие как Менаган, Мур и другие,

до сих пор писали в основном на своем родном языке, то с этого времени целиком перешли на английский. Между родной литературой на ирландском языке и новой – англоязычной – образовалась пропасть. Наведение мостов, поиски синтеза традиций, насколько известно, были безуспешными.

В настоящее время в самой Ирландии и в Северной – с одной стороны, великие имена англоязычных ирландцев, таких как Джойс и Йетс, а с другой – отдельные островки литературы на ирландском языке и просто ирландоязычных, с одной – уже глубоко внедрившийся английский язык, а с другой – родной, ставший малоиспользуемым, и стремление какой-то части общественности, интеллигенции возродить, вернуть его к полноценной жизни.

Положение с валийским языком в Уэльсе во многом схоже с положением ирландского в Северной Ирландии. Но есть одна существенная разница - в Уэльсе вопросы языка менее политизированы. В свое время валийский язык тоже подвергался жестоким гонениям, запрещался. И это дало свои пагубные последствия - из трехмиллионного валийского населения на родном говорят только 700 тысяч. В настоящее время существует Совет по развитию валийского языка, который частично финансируется государством. Существует министр по делам Уэльса, был принят Закон о равноправном статусе языков. Ассамблея Уэльса (так называют здесь местный парламент) проходит на двух языках - английском и валийском, с помощью перевода. Есть школы, даже средняя, с обучением на валийском языке, работает телеканал. Оставшиеся носители валийского языка не скрывают того, что они окончательно стали двуязычными.

Несмотря на существующий в настоящее время повышенный интерес к языкам и национальной культуре в Северной Ирландии и Уэльсе и на то, что власти Соединенного Королевства уже не препятствуют этому, сказать что-нибудь очень обнадеживающее о будущем этих языков и культур, к сожалению, затруднительно. Английский, вытеснивший эти

языки, стал главным, и даже подъем национального самосознания, который наблюдается в обоих регионах, получает свое выражение на нем, но все же он не стал еще родным, а забытые подавляющим большинством населения родные языки для выучивших их заново потеряли свойство родных и остаются малоиспользуемыми.

Думая об этом, я старался приободрить себя такими словами великого англо-американского поэта, нобелевского лауреата Томаса Стернза Элиота: «Можно отобрать у народа его язык, подавить этот язык, насильственно ввести в школах другой язык; но до тех пор, пока не удастся научить такой народ чувствовать на другом языке, старый язык искоренить нельзя, и он вновь о себе заявит в поэзии, которая является двигателем чувств...». Но во время встреч с самозабвенными энтузиастами и при виде прекрасно изданных новеньких словарей, книг, в том числе красочных детских изданий, которых так и не касались руки читателя, меня преследовало название самого трудного романа Джойса «Поминки по Финнегану».

Много еще вопросов того же порядка встает перед нами после пребывания в тех местах, и лично у меня нет еще ответов на них. И, в то же время, стало понятно, насколько важно для нас знакомство с таким положением отдельных языков и культур в далекой, одной из самых развитых стран мира, на фоне характерных для нашего времени конфликтов, в том числе и грузино-абхазского.

Несмотря на то, что эти языки имеют большую письменную историю, и в этих странах был опыт среднего и высшего образования на своих языках, их положение гораздо хуже, чем у абхазского языка. Наш язык - живой, действующий, полноценный язык, который является родным для более чем 95 процентов нации. И в рамках своей республики он - нормально используемый язык. Нашей художественной литературе, всей словесности пока не грозит быть растворенной в русской или иной словесности. Если в прошлом язык наш преследовался, подвергался насильственной ассимиляции, то

последние 9 лет судьба его в наших руках, в руках нашей, еще непризнанной независимости, в руках всего народа. И это не менее ответственно, чем отстаивание своей независимости - сохранить и развить свой язык, свою культуру и для себя, и для соответствующего духовного пространства, из которых состоит общечеловеческое.

О значении родного языка и ответственности за его судьбу, которая лежит на всех нас, населяющих Абхазию, приходится напоминать и самим его носителям, на которых пагубно действуют потребительские тенденции современного развития, и властям, которые до сих пор как следует не используют его в государственном масштабе.

И, к большому сожалению, не то что помощи, но понимания, даже сочувствия нет со стороны существующих партий, оппозиционных и неоппозиционных, и со стороны различных неправительственных организаций, даже тех, которые имеют отношение к вопросам культуры и воспитания. Следствием этого являются некоторые сомнения, неприязнь к ним, и не только среди рядовых людей, но и среди интеллигенции.

А вот то, что происходит в тех регионах мира с теми народами, с их языками, культурами, о которых говорилось выше, - это наше прискорбное будущее, которое ждет нас, если хоть немного проигнорируем ответственность, которая лежит на нас за судьбу своего родного языка. И представить себе трудно, каково будет нам, если народы, насчитывающие миллионы, с богатейшими культурными традициями, не могут справиться с такими проблемами языка, которые у них сейчас есть. Не дай бог, если мы доведем свой язык до такого состояния, то попытаться потом что-то изменить бессмысленно. Надо понять, что мы уже стоим перед такой дилеммой.

Уроки, которые мы извлекли конкретно из этой поездки, можно считать уроками будущего или воспоминанием о будущем (по названию фильма, когда-то увиденного).

В заключение нашей поездки Лондон был как награда. Трафальгарская площадь, с занесенным ввысь Нельсоном,

обильными фонтанами, огромными гранитными львами, кстати, черными, готический дворец Вестминстера со знаменитой башней с часами Биг Бен, отрезок Темзы с бывшей резиденцией королей, замком и мостом Тауэр, и буквально нанизанные на реку другие мосты, и трехэтажные красные омнибусы...

При виде Лондона меня вдруг охватило какое-то языческое ощущение, и он мне представился как огромный, массивный камень еще времен особого его культа, который положили, продавив грунт на видном всему миру месте. И невидимая пыль веков, которая чудится при виде его, признак не старения, а особой прочности - как тончайший налет плесени на высококачественных окороках.

Это, видимо, и происходит от прочности духа, которым дышит он. В самом Лондоне, как и в международной валюте его банков, должно быть, кроме своего великобританского, присутствует еще и частица бунтующего духа бывших колоний, духа таких, как Мохандас Корамчанд Ганди, памятник которому стоит в парке, прямо напротив гостиницы «Тавистон», в которой мы жили. Может быть, такая смесь духа и притягивает многочисленных представителей буквально всех рас, которыми пестрит современный Лондон.

...Такие поездки - это и взгляд со стороны на самого себя, на старые наши проблемы, на привычные явления с непривычной стороны, на расстоянии и в различных ракурсах.

Я бы хотел выразить благодарность организаторам и хозяевам этих встреч, также нашей группе, в состав которой входили очень дорогие мне люди, которые после этого стали еще дороже, в меру сдержанной, в меру пристрастной, в меру строгой, в меру веселой и всегда верной, объективной и заботливой; нашим оппонентам за то, что не давали нам расслабляться. Хочу также поблагодарить жителей Белфаста, Кардиффа, Лондона и других мест, которые при встрече здоровались, улыбались. Прекрасный след оставили они в наших душах.

Словом, такие поездки очень полезны и дают много. Кстати, по возможности надо расширять круг участников. Если все время будут ездить одни и те же, это превратится в привычку. Привычка притупляет восприимчивость.

Журнал «Гражданское общество»,
№22, 2002 г.

)

НЕ ПОТОМУ, ЧТО ОНИ НАШИ, А ПОТОМУ, ЧТО ОНИ СПРАВЕДЛИВЫ

1. Строительство нового государства у нас идет не с белого листа, но с Начала. В чем Вы видите положительный смысл исторического опыта абхазского народа - научил ли он чему-нибудь нас самих?

2. От чего из духовного наследия прошлого абхазского народа нужно отказаться в третьем тысячелетии?

3. Как Вы прогнозируете наше политическое будущее?

4. «Большие игры» сопредельных стран оказывают сильное воздействие на позиции и возможности молодой республики. Что Вы предлагаете в этих условиях?

5. Следует ли в ближайшем будущем ожидать новую геополитическую игру, например, как недавние события в Кодорском ущелье?

6. Проблема армии носит всенародный характер. Какой бы Вы хотели видеть армию Абхазии?

7. Что для Вас новые парламентские выборы? Верите ли Вы, что новый Парламент станет эффективной ветвью государственной власти Абхазии?

8. Безопасность – понятие комплексное: экономическое, экологическое, информационное и иное, т. е. не только военно-политическое. Являются ли эти проблемы прерогативой только власти или же – общенародные?

9. Расположите по степени важности вопросы безопасности личности, общества, государства и прокомментируйте.

10. Что Вы ощущаете на стыке веков?

1. Положительный смысл исторического опыта абхазского народа в его результате: с его помощью народ отстоял в многовековой борьбе свою землю, культуру, себя как народ, со

своими особенностями. И при пользовании мировым опытом в строительстве нового государства необходимо учитывать эти особенности не на бумаге, как это в основном происходит у нас, а на деле. Чтобы понять, насколько важно считаться с местными особенностями, возьмем, к примеру, наш алфавит. Он основан на кириллице. Что бы произошло, если бы мы попытались применить кириллицу в абхазской письменности без всякого изменения? Ничего бы не вышло. Чтобы алфавит отвечал особенностям абхазского языка, в его фонетике пришлось многое перестроить, придумать множество новых знаков. Словом, пришлось сделать качественно новый алфавит, который имеет право называться абхазским.

2. Ни от чего. Разве только придется кое-что кое в чем освежить, обновить, приспособить к новым условиям, и ни в коем случае по западным или американским образцам, а творчески.

3. Пока что ни международные, ни какие-нибудь другие организации нам не предлагают приемлемых условий, а предлагают антигуманные и принудительные по отношению к нам. Потому мы должны стоять на своих позициях. Не потому, что они наши, а потому, что они справедливы не по искусственно созданным законам и положениям, а по высшим божественным законам. От Бога некуда отступать.

4. В больших политических «играх» сильных мира сего таких как мы, непризнанных, а иногда даже многих признанных, держат в роли разменной монеты. Одни уже примирились с этим положением, и от множества рук, в которых они побывали, стерлись на них даже названия. А другие продолжают отстаивать свои права. И мы должны быть в рядах отстаивающих, пока не признают. При этом надо до тонкостей знать правила этих игр и стараться самим навязывать им свои. Как сказал поэт: «И вечный бой ..., покой нам только снится!»

5. Планы таких провокаций, в том числе очень опасных, безусловно, уже лежат разработанные, в ожидании удобного случая. И мы всегда должны быть готовыми и держать, как говорится, порох сухим.

6. Обязательно надо иметь всегда какое-то количество регулярной армии. Их немногочисленность должна компенсироваться подготовкой на уровне лучших спецназов. И параллельно надо содержать резервистов, примерно как в царской России казаков, которые в случае необходимости были способны моментально перестраиваться в боевые части. Они, конечно, имели от государства узаконенные привилегии и льготы.

7. Если выборы пройдут нормально и выберут достойных из достойных, слов нет, парламент станет важнейшей частью государственной власти, каковой он и должен быть. К сожалению, я не очень верю пока в это, судя по некоторым уже известным кандидатам и несовершенству системы выборов.

8. Если все ее ветви, действительно, служат интересам своего народа, и нет у них отдельных от государственных, общенародных интересов, они имеют право действовать во имя народа, не всегда, не во всем подключая весь народ к политическим и иным действиям. Только в исключительных случаях, видимо, необходимо задействовать общенародное мнение. Но если только власти оправдывают доверие народа.

9. Как бы ни выдвигали на первый план права отдельного человека расплодившиеся разнообразные организации по правам человека, пока что нет отдельного человека вне национальности, общества и класса, если хотите. И права отдельного человека на данном этапе развития человечества зависят от некоторых моментов. Это национальные права и соответственно – общественные, и только потом – права отдельного человека. Это настоящая данность. Вот когда все будет решено по правам народа, нации в целом, общества, тогда на первый план, конечно, выдвинутся права отдельного человека. Это означает не то, что надо перестать бороться за права отдельного человека, пока все не устроится, а то, что, борясь за права человека, всегда исходили из тех реальностей, от которых они зависят.

10. Как ни странно, чей-то призрак опять бродит, уже по всему миру. Но пока еще его никто не определил и не дал названия. Это не терроризм, которым сейчас хотят объяснить все свои и чужие грехи. Он тоже плод этого же, еще не до конца выявленного и опознанного призрака. Но можно точно предположить, что в нем присутствует противостояние богатства и нищеты и национально-освободительная энергия.

Журнал «Колокол»,
2001 г., №5

МЫ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ПЛАН РАЗВИТИЯ СВОЕЙ СТОЛИЦЫ

Я писал о нашем городе («Акуа-Сухум, Сухум-Акуа»), в основном касаясь истории и нынешнего его духовного состояния. В идеологическом смысле, думаю, можно так выразиться, я продолжаю придерживаться тех выводов, которые содержатся там. Но есть же еще другие - базисные – стороны существования города, его физиология, демография.

Город – концентрация не только населения и духа, но и материальных объектов, построек, жилищ, разных коммуникаций. Более того, город, особенно если он претендует на роль столицы, есть концентрированное выражение, настройщик отношений народа, его культуры к внешнему миру. Во всех этих вопросах город более интернационален, чем другие виды поселения.

И чтобы эти положительные свойства не оборачивались иногда отрицательными последствиями, у города должна быть программа, план, задачи его развития, в которых, в частности, должны учитываться местные эстетические традиции, в том числе и строительные. Например, мне кажется, что в самых современных архитектурных традициях можно использовать характерные особенности абхазского народного деревянного зодчества, скажем, исключительный приоритет в нем прямых линий, отсутствие или очень скупое проявление украшательства и т. д.

Почему бы не стилизовать какие-то наиболее характерные черты конструкции таких видов жилища, как акуаскьа, апацха и самого древнего из них – акуацв, с его овальными формами и конусообразным верхом, не ввести их в будущие архитектурные рисунки нашего города?

?:

Мне приходится часто повторять о необходимости во всем обращаться к истокам вовсе не из-за того, что такой клад, которого еще не касался настоящий профессионал, лежит в недрах как словесного и музыкального нашего фольклора, так и в народных строительных традициях.

В недавней поездке вместе с группой сухумчан в Северную Ирландию, Уэльс, наконец, Лондон, я наблюдал везде очень заметную прямую перекличку форм традиционных народных построек с современной архитектурой городов. Даже в Лондоне во многих постройках академического стиля проглядывались такие мотивы.

А мы пока довольствуемся в основном древностью нашего города и его известностью по его прекрасным природным данным. Притом город наш опять на перепутье. Его строили разные колонисты. Одни в нем видели поселение дачного типа и, в некотором роде, он соответствовал этому; другие, скажем, грузины сюда экспортировали так называемую свою национальную архитектуру, на деле – сборную солянку элементов из самых разных архитектур, грубо стилизованную под национальное.

Сейчас наш город, в чем-то начиная все сначала, должен это все учитывать.

Досадно, что в этой очень положительной тенденции к восстановлению разрушенного и построению нового наблюдается некоторая анархия, стихийность. Разве все это не должно быть подчинено какому-либо общему плану? Такой план уже должен быть. Эти беспорядочно рассыпанные магазинчики, ресторанчики, в том числе целые комплексы апацх, буквально во всех уголках города, с их дымящимися очагами. Дым отечества нам действительно сладок и приятен, но всему свое место.

Как известно, после войны сильно поменялось население столицы. Это – реальность. Сейчас сидеть и сокрушаться о том, как бедная наша столица оказалась в положении «ни к селу, ни к городу», к сожалению, ничего не дает. Не могу со-

гласиться и с теми, которые хотят уверить нас, что столица лишилась своих потомственных горожан, каких-то неведомых нам интеллектуалов.

Не считая значительное количество наших ребят, временно уехавших или живущих в Российской Федерации и других регионах мира, но тесно связанных со своей Родиной и столицей (интеллектуальная и материальная помощь их очень заметна), из нашей столицы ушло не так много публики, по которой можно было бы испытывать ностальгические чувства.

И никаким раем, по которому до сих пор вздыхают некоторые, ни маленьким и ни большим, она не была, по крайней мере, для большинства из нас, видевших в ней город с колониальными порядками, ресторанами-обжираловками, с так называемыми «дикими» курортниками, с большим перевесом торгашеского, невежественного населения! Но тем, кому родина – курорт и место отдыха, или для приспособившихся она могла казаться раем.

Что бы ни говорили о том населении, которое есть сегодня, оно – как первичный материал, из него можно вылепить совершенно новую, не отягченную прежними грехами и привычками, духовно и душевно полноценную публику.

Это трудная, но благородная цель, успешное решение которой будет венцом наших мечтаний о достойной столице и достойной жизни в ней.

Журнал «Гражданское общество», №23,
2002г.

ПОСТСКРИПТУМ

События в Кодорском ущелье все еще занимают нас. Одни, рассматривая их в общих чертах, считают, что враг сделал очередную вылазку, получил по заслугам, а дальше надо быть начеку. И даже то, что на сцене этой кровавой драмы вновь появляются старые эпизодические ее участники, чеченские боевики, в совершенно иной роли, по их мнению, существенно не меняет сути происходящего. Другие считают, что эта вылазка отличается от предыдущих – и очень существенно – она обросла новыми свойствами, и, мол, во всем этом нагромождении и в каждой ее детали есть свой коварный подтекст.

Словом, по этому поводу существует много и других версий, мнений и предположений.

Чтобы разобраться во всем этом разбросе мнений, по еще самым горячим следам событий, был организован «круглый стол» временным пресс-центром неправительственных организаций. Бесспорно, что всесторонний анализ таких событий, позволяющий сделать правильные выводы, по своей важности всегда приравнивается к победе оружия.

На «круглый стол» были приглашены известные политики, журналисты, представители разных партий, научные и творческие работники, представители власти (в работе «круглого стола» приняли участие министр иностранных дел С. Шамба и министр юстиции Б. Тапагуа).

«Круглый стол» удался. Это не было мероприятием для галочки. На этом мероприятии шел действительно нелицеприятный, достаточно острый, конструктивный и, что немаловажно, квалифицированный разговор. Вообще, уровень и культура выступлений, за редким исключением, были на

должной высоте. И было приятно осознавать, что организаторы этого «круглого стола» способны достойно представить нас на достаточно высоком уровне. Они постоянно участвуют в информационной борьбе и, насколько знаем, успешно.

Общеизвестно, какую роль в современном мире играет информационная дееспособность, информационная состоятельность. У нас были и есть свои успехи в этой сфере. Например, мы помним, как было воспринято в свое время выступление В.Г. Ардзинба на съезде народных депутатов, какой был резонанс, какую огромную роль сыграли в жесткой информационной сшибке времен войны блестящие полемические выступления Зураба Ачба, Юрия Воронова и других. (А вот интервью с Зурабом Ачба по вопросам государственного языка по телевидению необходимо, я считаю, периодически повторять. Кстати, этого заслуживают встречи и выступления представителей наших неправительственных организаций, хотя бы самые удачные из них.) Словом, существование почти в каждой сфере подготовленных, компетентных, таких как организаторы и участники этого «круглого стола», – одно из самых важных завоеваний нашего трудного развития. И обязательное продолжение этих традиций – наша первейшая задача. Нам всегда нужно помнить о том, что мы ни в чем не можем делать ставку на количество, а только – на качество. В любой отрасли, в любой сфере.

А теперь о самих событиях в Кодорском ущелье. Мои кое-какие наблюдения по ним и связанным с ними проблемам, видимо, находятся в некотором филологическом качестве, но, мне кажется, и они имеют право на существование.

Я хочу начать с разговора о территории, части нашей земли, нашей страны, которую в связи с этими событиями называют дежурным словом «ущелье». Это – верхняя часть сердцевины Абхазии. Самое главное – об этом навряд ли не вспомнили, когда решали судьбу этой территории – именно в этой не контролируемой нами ее части находится главная вершина Абхазии – Эрцаху, овеянная легендами, воспетая

поэтами. Эрцаху – один из важнейших символов Абхазии. Абхазская легенда гласит о том, что на пологой вершине Эрцаху лежат обломки Ноева ковчега, вмерзшие в ледники. Значит – это наш Арарат. Неужели мы допустим, чтобы участь Эрцаху была такой же, какой у Арарата для армян?.. На этой же территории три важнейших перевала Абхазии – Марыху, Кпыху (Клухор), Нахар. По этому ущелью проходил древний шелковый путь, проходит Военно-Сухумская дорога, связывающая нас с Северным Кавказом, здесь формируется главная река нашей страны – Кодор.

Здесь же Адзгарские нарзаны, лесные массивы, где главным образом производились лесозаготовки в советское время, здесь же альпийские луга неописуемой красоты и многое, многое другое.

В этих местах испокон века жили непокорные потомки древних апсилов. В середине XIX века, когда на нашем побережье сшиблись интересы России и Турции, они воевали с теми и другими. В конце той кровавой эпопеи они были изгнаны со своей земли за непокорность победителям. Оказавшись на другом берегу, большая часть этих потомков древних апсильских горцев не захотела оставаться в Турции и пошла дальше в Сирию, затем – в Египет в поисках земли, хотя бы отдаленно напоминающей родину. Кстати, небольшая их часть поселилась на Голанских высотах, действительно напоминавших им землю предков. После сирийско-израильского конфликта им пришлось оставить эти места и вернуться в глубь страны.

К чести абхазских князей, в чьи владения вошли земли Кодорского ущелья в царское время, в ожидании чуда – возвращения изгнанников – они не разрешали никому заселять их. А вот в советское время, уже с самого начала 30-х годов, группами сюда стали спускаться сванские семьи из так называемой Большой Сванетии. (В советское время по всей Абхазиии были закреплены земли изгнанников за мингрельскими поселенцами из Западной Грузии, которые они арендовали у

абхазских князей и дворян. Ни один клочок земли до этого не являлся их собственностью.) А уже в 40-е годы и в район Латы были переселены несколько сотен семей из разных районов Грузии. Накануне грузино-абхазской войны на землях ущелья их проживало внушительное количество. И подавляющее большинство этого населения, особенно сванского, было вооружено и принимало активное участие в боевых действиях против абхазского народа. В настоящее время в не контролируемой нами части ущелья их осталось, насколько известно, совсем немного, если не считать бандитов и террористов, которые свили там свои гнезда. Кстати, в этих местах, на северо-востоке, между Гуандрой (рекой) и Сакеном, находится гора с двумя вершинами, одна из которых достигает где-то около 2500 м высоты. На нынешних картах гора называется Гогуа. Подлинное ее абхазское название – Ҕәаҕәа, Гуагуа. Наша фамилия происходит от названия этой горы, или наоборот. От того, что в некоторых языках, в первую очередь в русском, нет таких звуков, какие присутствуют в названии горы, сначала ее нанесли на карты как Гуагуа, а затем, соответственно с трансформацией, произошедшей с самой фамилией по тем же причинам, – как Гогуа.

Еще в начале XIX века наши предки проживали в нижней части Псху, и эти горы считались как бы одним из их родовых поместий. В самый ожесточенный период русско-кавказской войны часть нашего рода – стариков, старушек, женщин, детей переселили в глубь Абжуйской Абхазии, в села Члоу и Гуп. А молодые остались воевать. По преданию, ни один из них не вернулся в свою семью, все они погибли в сражениях.

Чувство малой Родины – особенное чувство, собственно – это истоки чувства всей Родины. И наш род до сих пор почитает эти места, эти горы – малую родину предков, поклоняется святыне Инал-Куба, расположенной в Псху. По традиции каждому народившемуся Гогуа, как только он начинал понимать, рассказывали о малой Родине, о горе Гуагуа, чтобы ребенок знал об этом и не никогда забывал. И мой отец поступил так

же, и я с детства знаю об этом. Мне приходилось много ходить по Кодорскому ущелью, поднимался на Марыху, Клыху, но, по разным причинам, не попал в эти места, и эти горы, к сожалению, я видел только издали.

Видимо, не от хорошей жизни тогда, к концу войны, наши бойцы остановились на полпути, не доходя до самой границы, и часть верховья Кодора осталась в руках неприятеля. Но кто бы ни настоял на этом решении, оно, мягко говоря, было ошибочным. Последние события только подтверждают это. Понятно, сейчас все сложнее, но, учитывая исключительное политическое, стратегическое, символическое – какое угодно – значение этой территории, надо добиваться ее возвращения. Так думают, судя по высказываниям, и наши военные эксперты.

В раскатах, оглашавших это ущелье, есть и отзвуки антитеррористической кампании, развязанной во всем мире, в ее запутанном истерическом варианте. Эта истерия нужна тем, не менее террористическим силам, которые, прикрываясь борьбой с ними же, хотят решить, поправить свои проблемы – политические, стратегические, геополитические, территориальные, экономические и прочие.

Шеварднадзе и его клика никак не могли упустить такой момент. (Кстати, кампания против терроризма развязала руки, можно сказать, всем.) И решили, что пришло время использовать один из своих вариантов, который можно назвать чеченским.

Уже давно Грузия заигрывает с чеченцами, чтобы использовать их в своих коварных целях, например, в решении абхазского вопроса, столкнуть их с нами, манипулировать ими в отношениях с Россией.

Уже то, что нашлись, в конце концов, за плату или за что-то еще, такие чеченцы, которые пошли вместе с этим сбродом на провокацию против Абхазии, говорит о размерах трагедии этого многострадального народа. (Нас, конечно, это очень огорчило, но если кто пришел с оружием и в рядах врагов, то

законы войны суровы и неумолимы и никого не выбирают. В то же время, это не значит, что отношение к одураченным лицам чеченского происхождения мы можем распространить на весь народ. Безусловно, нет!)

А что касается так называемых грузинских партизан, то нет сомнения, что они в основном состоят из специально подготовленных в силовых структурах Грузии частей, пересыпанных уголовниками, бандитами, промышляющими мелким террором.

Новые хозяева этого сброда и нашли для него, как говорится, место и время. Нужно, чтобы «робких» грузин повели на ратные «подвиги» отважные чеченцы. (Кстати, по Лермонтову «бежали робкие грузины» от кистинцев, т. е. чеченцев, проживающих в Грузии, в том же Панкийском ущелье.)

Это, видимо, и попытка таким образом частично расправиться в первую очередь с каким-то количеством чеченцев, проникших в Грузию, и с которыми иначе справиться оказалось не просто. Заодно в очередной раз можно потрясти Абхазию, посеять панику и дестабилизировать обстановку, а если эта затея превзойдет все ожидания, то спровоцировать «стихийное» наступление вооруженных беженцев из-за Ингура. Или почему было не сделать Шеварднадзе свое излюбленное, избитое заявление о ситуации, вышедшей из-под контроля, о неспособности абхазских властей взять ее в руки, затем попытаться ввести войска и все представить, как борьбу с террористами.

Все это близко к абсурду. Обычно к абсурду, ко всяким головоломкам прибегают изжившие себя правители, неспособные уже ничего путного сотворить, чтобы создавать видимость действия или прикрывать заведомую ложь, которая устраивает их в той или иной ситуации. У абсурда нет логики, но эти «деятели», видимо, предполагают, что он позволяет уходить от ответа. Раз уж заговорили об абсурде: так разве мало абсурда в современных международных правовых отношениях? Например, появление рядом с одним из ключевых положений ООН о праве народа на

самоопределение Хельсинкского Акта о нерушимости границ, территориальной целостности, фактически игнорирующего его? Разве не абсурдно то, что самые злостные сепаратисты, бывшие союзные республики, развалившие Союз не без помощи и поддержки тех же сил, создавших и подписавших Хельсинкский Акт, и первыми преступившие положение о нерушимости границ и территориальной целостности, сегодня с пеной у рта обвиняют других в сепаратизме? И какую ценность представляет собой после всего этого злополучный Акт? Но сильные мира сего, ревнители моноцентричного устройства мира, международные финансовые олигархи и послушные им режимы на деле не подвластны ими же создаваемым законам. На деле они их создают для более слабых, по классическому принципу – разделяй и властвуй. А вот когда им самим это выгодно, вытаскивают их, не отвечающих уже современному соотношению сил, на свет. И в их руках эти законы становятся, как религиозные догмы, создавая непреодолимые барьеры справедливому решению многих вопросов, в том числе и вопроса о самоопределении.

А факт остается все же фактом: в очередной раз провалилась гнусная кампания грузинских властей и террористов против Абхазии. Они, видимо, не очень рассчитывали на блестящий исход, но и навряд ли ожидали такого провала.

При всем том, обе стороны извлекли из этих событий уроки, каждая сделала свои выводы. Для нас теперь очень и очень важно серьезнейшим образом отнестись к ним, к этим выводам, обнародованным и не обнародованным. Тем более, когда они такие неутешительные.

Одно то, что эти события получили такую широкую огласку, особенно в российских СМИ, говорит за то, что они затрагивают обширный круг интересов и выходят из-за рамок абхазо-грузинских отношений.

В событиях Кодорского ущелья, действительно, как было отмечено в начале, были и отголоски антитеррористической кампании, громовыми раскатами прокатившихся по

миру. В Кодорских событиях сфокусированы отблески отношений Абхазии и Грузии, России и Грузии, России и Абхазии, Грузии и Чечни, России и Чечни и насильно притянутые – Абхазии и Чечни.

При этом, отношения Абхазии и Грузии совершенно ясны, понятны и отношения России и Чечни, а также – наше отношение к чеченскому народу, которое не может быть омрачено действиями группы отщепенцев. Но не всегда предсказуемы и понятны отношения России и Грузии, от которых многое зависит в решении нашего вопроса. По крайней мере, мы пока, как за соломинку, хватаемся за это. Непонятны также чечено-грузинские отношения и можно ли их вообще назвать отношениями.

Но для нас самих всегда было важнее то, как отразятся взаимоотношения России и Грузии на нас, на решении наших проблем. С одной стороны, мы знаем и очень ценим сочувственное отношение части русской общественности, разных кругов к нам, к нашим проблемам, с другой – уже с советских времен Абхазия стала и остается разменной монетой между этими сторонами.

Настораживала даже необыкновенная активность при этих событиях российских СМИ, которые вдруг заговорили так открыто и благожелательно о нас, о наших проблемах. Известно, журналисты отчасти порождение злобы дня, и их оценки и суждения бывают изменчивы, как и у политиков, и особо долгих привязанностей у них нет. И потому, когда к концу событий стал меняться тон и весь инцидент начали сводить к чеченской теме, пропуская грузинских террористов, которые и привели их сюда, опять появились сомнения и привычная тревога: неужели Россия, как только у власти Грузии окажется пророссийское лицо, она, всегда желавшая удержать Грузию на своем магнитном поле, потребует от Абхазии возвращения обратно в состав Грузии?

Всем известно наше отношение к России, с которой мы всегда связывали свои надежды. Как-никак это страна, к которой мы присоединились добровольно еще в начале XIX в. не в

составе другого государства, а персонально, ибо у нас у самих было государство. В новых условиях многое изменилось, и на этот раз Абхазия хочет быть опять самостоятельной и независимой и в таком качестве войти, например, в то содружество, которое создает Россия. Здесь благословение России было бы благороднейшим поступком великого государства во благо к нему расположенного маленького государства.

Очень бы не хотелось, чтобы был противный случай. Но в противном случае мы категорически останемся на своих позициях и будем упорно искать другие пути для достижения своей цели. А в самом крайнем случае (будем надеяться, что до этого не дойдет, и что мир еще не стал совсем безразличным) никто не сможет отнять у нас право умирать, защищая свою тысячелетнюю родину, свою свободу, свое национальное и человеческое достоинство.

Разве не идет вразрез всякому здравому смыслу – загонять, заталкивать народ, защитивший, освободивший свою землю от тех, которые пришли сюда стереть его с лица земли, обратно в ту же смертную камеру? И напрасно сильные мира сего так и не разучились действовать безоглядно, когда это отвечает их сиюминутным политическим, меркантильным и иным интересам. Унижения, обиды, незаживающие душевные раны, слезы, страдания, нищета и рабство людей, посеянные повсюду действиями по принципу «разделяй и властвуй» – накапливаются и превращаются в отрицательные энергии огромных масштабов, которыми обычно завладевают дьявольские силы, отпетые террористы, фашиствующие элементы и превращают их в губительные ураганы. И в настоящее время весь мир пожинает плоды от «ветров», посеянных самоуправством международных масштабов. Не пора ли образумиться и подумать над своими же проступками и над тем, как и сколько от этого страдают в мире.

И если бы, скажем, в Грузии стали осознавать свое преступное отношение к Абхазии, то это означало бы не только поворот в наших взаимоотношениях, но и начало выздоров-

ления народа. Более того, было бы нравственным спасением грузинского народа, может, единственным – добровольный отказ от претензии к Абхазии и признание ее свободы и независимости. Сделав это, грузинский народ, затянутый отцами нации в губительный эгоизм, жестокость и самолюбование, воспрянул бы духом, почувствовал бы радость очищения, приобретения самого себя и Бога. Не так, как ее нынешний лидер, вообще ни во что не верящий, кроме как в карьеру, в старости лет «приобрел» Бога, приняв крещение ради той же карьеры, всенародно не покаявшись в своих «деяниях». Вот покаяться бы народу, таким образом, за грехи, содеянные отцами нации, в которые он был вовлечен.

А то, что в недавнем интервью «Общей газете», к концу вороха лжи, которую он наговорил, повторяет своего печально известного генерала «с рыцарскими повадками» о том, что в случае войны абхазов ждет перспектива быть полностью уничтоженными, – блеф.

Ему можно только посоветовать, чтобы чаще вспоминал о том, как его срочно вывозили из Сухума те же русские, так как уже не успевал сам унести ноги, а то, похоже, стал забывать об этом.

Если, допустим, свершится мрачное предсказание этого лжепророка, почему он полагает, что Грузия выйдет целехонькой из этой переделки? Вообще, будет ли потом она существовать? Пусть сам задумается над этим вопросом.

Так или иначе, мы пока что между Сциллой и Харибдой. И чтобы к чему-то определенному прийти, необходимо самим полностью и окончательно определиться, сподобиться Одиссею, сумевшему пройти между ними. Нам нужны подробно разработанные свои планы, программы действия и развития, каких в конституциях не бывает. И не только разработать, но и ознакомить с ними народ, пребывающий в неведении даже по самым элементарным вопросам.

Первым долгом, мы должны определиться, знать - вокруг кого, чего и ради чего мы собираемся создавать

независимое государство. Мы должны дать понять всем, что это не наша прихоть, а веление времени. Оно предъявляет условия: или мы найдем форму своего существования, как народ, как культура, или сходим навсегда с арены. А форма существования, которую требует новейшее время, это – независимость и государство. Эту аксиому должны понять те силы в мире, от которых зависит ее разрешение. В противном случае, от нарушений таких естественных потребностей развития человеческого общества мир обречен на постоянные потрясения.

Так вокруг чего мы собираем государство? Первым долгом, вокруг народа со своим территориальным измерением, вокруг древней страды, его родины, места обитания его культуры и духа (недаром он ее называет Апсны, обиталищем души), которую отстоял в многовековой неравной борьбе с разношерстными захватчиками, вокруг языка, основы его культуры, определившей его психологию, характер, лицо.

И несомненно, вокруг представителей других народов, заселяющих нашу страну, играющих важную роль в ее жизни и жизни самого, как сейчас говорят, титульного народа. Они, исповедуя, в частности, свою исконно-национальную культуру, живя и развиваясь здесь, не могут не иметь в то же время и отношения не только к земле, но и к нашей культуре. Мы вместе пытаемся создать особую духовную атмосферу, которая благоприятствовала бы взаимодействию, взаимопроникновению наших духовностей.

Взять хотя бы роль русского языка в развитии нашей культуры и образования. Безусловно, мы не достигли бы и такого уровня развития, какое мы имеем в настоящее время, без русского языка. Это факт. Но строительство совершенно нового государства и главные задачи, стоящие перед ним, обязывают иметь четкую языковую политику. Необходимо создать условия, чтобы абхазский язык, государственный язык Республики Абхазия, наконец, мог бы занять свое законное место, первым долгом, в государственных структурах.

Для этого нужно постепенно уравновесить, без ущерба для обоих языков, положение государственного языка и русского, который в настоящее время на деле выполняет почти все функции государственного. Это, конечно, ненормально. Не нормально не в смысле престижа, хотя и это необходимо, а главным образом для самого языка, для его полноценного развития. Если современный язык не загружен достаточно, ограничена сфера его применения, в нем могут появиться признаки атрофии и разрушения.

Русский язык мы добровольно впустили в свой дом. Да, видимо, где-то на него возложены и в советское время, и теперь, не говоря уже о царской России, определенные политические задачи, но оказывать давление, по крайней мере, у нас, не приходилось, язык без посторонней помощи сам справлялся, пролагая себе путь.

Но мы не можем позволить, чтобы русский язык (да и любой другой) постепенно выжил нас из своего же дома. А вот то, что мы не можем определить место своего языка и русского в своем государстве и жизни, вина полностью ложится на нас, на нашу безответственность, нашу привычку идти по пути наименьшего сопротивления, недооценку и зачастую пренебрежение - опять же по невежеству – к нашим же бесценным ценностям. Видимо, следствием таких недооценок и равнодушия является то, что в последнее время часть абхазов, получив образование, вместо того, чтобы применить свои знания для развития и подстегивания родной культуры, в частности, расширения сферы применения языка, как это делала старая интеллигенция, которая, кстати, лучше нынешней владела и русским, отворачивается от всего этого, отчуждается и становится каким-то интеллигенствующим люмпеном.

Русский, после родного, избранный нами язык, язык, являющийся основой духовной культуры, в атмосфере которой, наряду с нашей национальной, мы уже находимся более двух веков, язык, с помощью которого общаемся с предста-

вителями сотен народов. С этим языком наш язык должен сосуществовать в нашем доме, где будут четко определены место хозяина и место гостя, где всегда будет возможность сохранить условия особого симбиоза, взаимной полезности. Кто-то может возразить, мол, какая может быть польза от этого такому развитому языку, как русский. Но все языки, находящиеся внутри России и близком соседстве, благотворно действуют на могучее дыхание «великого и могучего», как это бывает со всеми языками.

Кстати, по тому, какие сейчас имеются в мире тенденции, в недалеком будущем в каждом национальном доме могут стать постоянными гостями и другие языки, особенно международного класса. При правильном отношении к своему языку и сохранении его хозяйского положения в своем доме, это будет способствовать его развитию на современном уровне.

А ревнителям доминирующего языка хотелось бы навсегда сохранить нынешнее соотношение этих двух языков. И потому, когда по вопросу о государственном языке, наконец, стали переходить от разговоров к делу, появился проект закона о языке, который еще подлежит доработке, кое-кто не на шутку забеспокоился и, позабыв о всяком приличии, поспешил обнажить свои еще дремлющие имперские привычки. Кто-то усиленно пропагандирует идею такого гражданского общества, в котором тоже будут доминировать исключительно общественные, имущественные и сословные отношения, исключая или вовсе не упоминая национальные. Так и недолго дойти до пропаганды глобализации и атомизации, которые грозят миру, как когда-то класс, которому нечего было терять, кроме своих цепей.

А теперь опять о наших национальных духовных ценностях, которые действительно нуждаются в защите, сохранении и развитии. О значимости духовной культуры говорят даже ее частности, скажем, жизненный материал, вырабатываемый народом, особый свет, который исходит от него. Взять хотя бы, пример того же Фазиля Искандера, на которого так часто

ссылаются наши газеты, иногда, чтобы продемонстрировать свою эрудицию, вкус и безукоризненное чувство юмора, что, в общем-то, нормально – он мог придумать сюжет и материал «Кроликов и Удавов», но такой материал, из которого скроил «Сандро из Чегема» – никогда. Такой материал способен выработать только народ. Это зеркало и Зазеркалье его жизни, а писатель, согласно своим задачам и по силе и характеру таланта, делает выбор, настраивает душевные, психологические, художественные, оптические фокусы. И, конечно, очень много значит качество этого материала для творчества. На бедном, неинтересном материале талант может зачахнуть и остаться заурядным. И он, этот поэтический материал, во многом определяет характер самого творчества. Шекспир искал материал для своего творчества не только в одной Англии. Например, материалы, из которых выросли «Отелло» и «Ромео и Джульетта», не могли быть характерными для туманного Альбиона.

Если мысленно пройтись по черноморскому побережью, скажем от Ингура до Азова, рассматривая каждый город, в том числе и Сочи, со своим «Утомленным солнцем», то станет очевидным, насколько свет, исходящий от Сухума, отличается от бытового курортного освещения, приходящего к ним издалека.

Главным содержанием нашего государства, вокруг которого оно строится и формой существования которого оно является, и есть этот Свет.

Наконец, будет нелишне нам обращаться к опыту небольших независимых стран, таких, как, скажем, Исландия, Кипр, Мальта и другие. Нам небезынтересны особенности их государственного устройства, соответствен-но конституции, их хозяйствования, какую нишу занимают в международных политических, экономических, торговых, культурных связях, по какому принципу выбирают партнеров и т. д.

Таким образом, мы должны приготовиться надолго к пограничной ситуации и строить полнокровную жизнь между

миром и войной, где придется всегда быть готовым поменять плуг на автомат, автомат на плуг. Если у нас хватит на это мужества, упорства, терпения и жизнелюбия, то это нас будет приближать шаг за шагом к нашей цели.

Это будет доказательством неизменности наших позиций и ответом государствам, силам, которые хотят пользоваться нами, как разменной монетой, в своих политических играх и выяснениях отношений.

Таковы, пожалуй, мои некоторые размышления по недавним событиям в Кодорском ущелье и всем предыдущим, в которые периодически ввергают наш народ.

Журнал «Колокол», №4,
2001 г.

«Я ТЕБЯ ХОРОШО ВИЖУ...»

...Так в переводе с абхазского звучит признание в любви – «Я тебя люблю» («бзиа бызбоит»). Во всех языках любви отводят нежные, благозвучные слова. В некоторых языках они до того благозвучны, что можно и не переводить, и так понятно – такое волшебное звучание способна создать только любовь. Может быть, это самое первое такое соответствие формы и содержания.

Так я начинаю разговор о женском празднике. Ведь женский праздник – прежде всего праздник любви во всем ее объеме. И в это совсем несентиментальное время, хотя ради такого дня хочется быть несколько сентиментальным. Ведь чувства сохраняют свои права. (Даже в литературе существовало целое направление под этим названием.)

Я тебя хорошо вижу...

Казалось бы – обычные слова в обычном расположении. Когда-то они и были обычными. Пока их не «опустили» в волшебный «лакмус», который придал им свой цвет, свой вкус, свое звучание.

Не будем перечить классикам, безусловно, труд сыграл огромную роль в создании человека, но если в человеке главное душа, то не принадлежит ли все же пальма первенства ей – любви. Тогда самой значительной вехой развития можно считать то время, когда над инстинктом продолжения рода засиял божественный нимб любви. Оттуда и ведет свое начало этот праздник, который по праву стал женским.

И спорить теперь о том, нужно ли было считать 8 марта женским днем или нет, по крайней мере, бессмысленно. Это из-за того только, что его когда-то провозгласили социалистки? Он же сейчас и не социалис-тический, и не капита-

листический, а просто – светлый женский праздник. А если уж говорить об идеях, то я не уверен в том, что капитализм, который даже при самых развитых своих формах исключает честную игру, намного удачнее, чем идея того же самого социализма. Не надо его путать с тем, что выдавалось за социализм в Советском Союзе.

Главное, что человек не остановился ни на одной из этих идей, а находится в постоянных поисках наиболее справедливого мироустройства.

С таких поисков и началось человеческое общество, с тех самых пор, как появились зачатки рода, племени, народа. В них, в этих поисках, действительно львиная доля принадлежит женщине, об этом свидетельствуют образы, созданные многими и многими народами.

Абхазский народ тоже создал широко известные эпические образы. Среди них есть образ, пожалуй, самый значительный из всего, что создано нами в этом жанре. Это образ Сатаней– Гуаша, матери 99 братьев, единственной их сестры – прекрасной Гунды и самого славного героя из Нартов – Сасрыкуа. Сатаней-Гуаша можно смело назвать прародительницей народа. Ее образ до сих пор самый популярный в народе из всех художественных образов, и фольклорных, и литературных. И в такой день, в общем-то выстраданный бесконечной женской эпопеей, у истоков которой стояла и она, не вспомнить о ней было бы несправедливо.

Вот какой обширной может стать аудитория этого праздника.

Боже праведный! Насколько живучи те, «первичные» человеческие страсти! Даже самые древние из них порой кажутся вполне современными. Разве что они при зарождении были более цельными и крупными, как буквы, выведенные первоклассниками. Наивны, мудры, поэтичны, как все изначальное, первозданное.

Сатаней-Гуаша – из тех первых сеятелей, которые нащупали почву, подготовили ее и бросили первые семена:

огня – в очаг, хлеба – в землю, добра, любви и сомнений – в души человеческие. Они первыми прорубили дверь в мир для своего рода, племени. (Кстати, те самые двери, которые назовут намного позже «узко-национальными». Да, нельзя и невозможно в наше время вариться в «собственном соку», но, в то же время, не надо забывать и о том, что для необходимого равновесия надо иметь достаточно и «собственного сока», который игнорируется, например, сторонниками «шоковой терапии» в этих вопросах. В конце концов, «всего важней погода в доме».)

Сатаней-Гуаша была и выразителем морали своего общества, и строгим ее ревнителем. Но и у нее были минуты слабости, которым она предпочитала не изменять. Так, однажды она не отступила перед сильной, неистовой страстью, охватившей ее. Нагой и прекрасной она предстала перед ней. И познала любовь, «которая и жжет, и губит».

И всю свою жизнь она и сын, родившийся от этой любви, герой, прославивший род нартов, Сасрыкуа, страдали от упреков и обвинений других нартов, так до конца и не признавших его своим братом и не простивших мать. (Это он, Сасрыкуа, запечатлен на гербе Республики Абхазия в тот момент, когда он собирается в очередной раз спасти своих незадачливых, завистливых братьев, выпустить стрелу в небо, чтобы, сбив горящую звезду, обогреть их, замерзающих в горах.)

В то же время Сатаней-Гуаша становилась непреклонной, почуяв опасность, грозящую ее матриаршему миру, взращенному, взлелеянному ею. И когда ее дочь, прекрасную Гунду, похитил, убив в поединке ее жениха, стальнеусый герой нового, наступающего враждебного железного века, она прокляла его и вместе с дочерью превратила в камень.

Так погибла дочь, погиб могучий Сасрыкуа, самое любимое ее чадо, затравленный братьями. Но эпос молчит о конце самой Сатаней-Гуаша, этим он говорит о бессмертии созданного им образа.

Сколько времени уже дают всходы посеянные ею семена – добра, зла, любви, ненависти, страданий, радости. Она сама в чем-то повторяется в матерях, героинях, мученицах, в наших Жаннах Д'Арк (Баалоу Мадины), и Медеях, ради неудовлетворенных амбиций (не любви) преступавших то, что нельзя преступить. Потом, в нынешнее время – в женщинах непривычных, порой запретных, профессий – актрис, поэтов, ученых, учителей, – борцах за свои и своего народа права, бойцах, врачах, медсестрах, санитарках этой войны, матерях, потерявших своих сыновей и дочерей в этой же войне... В Саиде Делба, погибшей в сражении, оставив мир своей поэзии, нежной, загадочной, трагичной...

После эпохи, к которой принадлежала Сатаней-Гуаша, прошло несчетное количество времени, но матриархат всегда существовал, прежде всего, он был опорой семьи, быта, очага, с которого все начинается и которому всегда грозит опасность распада, разложения.

К великому сожалению, к третьему тысячелетию очаги наши оказались основательно размытыми. В женщинах, на которых во многом держались они, начинает преобладать что-то похожее на древний синдром Медеи, дочери Аэта, движимой неудовлетворенными амбициями. На этот раз многих наших современниц привлекает ложный блеск технических суррогатов и массовой культуры с перенаселенных эстрад. И, перефразируя поэта, можно сказать, что они зачарованно «глядят, глядят, глядят на них и с ненавистью и с любовью».

К этому современному стандарту во всем, в том числе стандарту поведения и влечений, потянуло часть молодежи, в которой неудержимее остальных – женская половина. Это довольно опасно для нас, уставших, ослабших, не очень уверенных в ближайшей перспективе. И если вовремя не вмешаться, в конце концов, это может привести к смене всей «породы» на худшую, как это бывает по не всегда понятным причинам с корабельным лесом. Мы, по крайней мере, знаем, что часть этих заблуждающихся недополучила в воспитании, в образовании,

во внимании со стороны общества. Необходимо чем-то компенсировать это, пока действительно арба не перевернулась.

Но не будем омрачать праздник. Лучше еще раз вспомнить, как на заре зарождения наших родов славные наши предки, в том числе и праматерь наша Сатаней-Гуаша, старались посеять здоровые семена, и как они, эти семена, всходили, определяя нашу сущность и индивидуальность. В такой ситуации об этом полезно вспомнить. И главное, все это определяла любовь. И пока эта любовь в силах объединять нас, она способна объединять нас и со всеми людьми на земле. Других путей нет, все остальное – заблуждение...

Так пусть чаще звучат эти слова, лучшие слова в каждом языке:

«Я тебя хорошо вижу!..»

Журнал «Гражданское общество»,
2001г.

ОБ «АИДГЫЛАРА»

Из беседы, организованной в 1998 году в редакции газеты «Эхо Абхазии» ее редактором В. Шария, в связи с десятилетием со дня создания Народного форума Абхазии «Аидгылара»

Человеческая память обладает избирательностью и каждый вспоминает что-то свое... Но эта идея тогда обсуждалась многими, большой группой интеллигенции, которая болела проблемами своего народа, своего времени. Вот ядро этой группы, в конце концов, и заложило основу организации и взяло на себя ответственность за дальнейшее развитие событий.

История борьбы абхазов за свои права уходит корнями в глубину времен; вспомним хотя бы события 57-го, 67-го и 78-го годов, в которых было и много стихийного. На новом этапе борьбы надо было легализироваться, чтобы открыто руководить этой борьбой, нужна была организация, способная объединить самую активную часть народных масс и с ее помощью, в частности, сделать массу управляемой. Она ведь иногда становилась неуправляемой – и в тех условиях это было очень опасным... В то время во многих советских республиках возникали Народные фронты...

***

Не могу не вспомнить про Союз творческой молодежи Абхазии под руководством Нодара Чанба. Его, Союз этот, можно сравнить с тем потешным полком, из которого возникла потом армия Петра I.

***

Две газеты, издаваемые Форумом, были, в самом деле, очень популярны тогда в Абхазии. Без своего органа, считайте, организации нет. А разве возможно было выпускать эти газеты без финансовой помощи населения? Ни одна организация не может осуществлять свою деятельность без средств. А их как раз у нас всегда было мало, не хватало ни на что. Нам чаще всего нечем было оплачивать командировки членов НФА, посылаемых за пределы республики по очень важным делам, в частности, по налаживанию связей. Тогда у нас не было бухгалтерии, был только казначей. И каждую копейку, полученную от организаций или частных лиц, актировали всем президиумом. Я здесь говорю о первом периоде работы организации, пока я руководил ею... Между прочим, были случаи, когда такие сплетни, обывательские разговоры специально распространялись, в том числе со стороны реакционного крыла обкома и правительства.

А я вам расскажу про следующий эпизод. Романа Чанба мы командировали в Москву по одному важному делу и выделили ему форумовские деньги: на проезд, гостиницу... Так он сэкономил их и почти половину назад привез и сдал.

Были успехи, и очень значительные, но бывали у нас, конечно, и ошибки. Среди нас было немного профессиональных политиков. Все постигалось на ходу. Я сам поначалу обычно не столько решал, сколько спрашивал у ближайших соратников: как поступим? Это потом уже, в самое ответственное время, стал принимать тяжесть решений на себя. Бывали и разногласия между нами, как и во всяком движении. Было более умеренное крыло и более радикальное... Меня, кстати, сейчас некоторые обыватели, не имевшие и не желавшие иметь дело с нашей организацией, упрекают в том, что я не удержал ситуацию в руках и привел ее к трагическим событиям 15-16 июля 1989 года. Это такая же болтовня, как и о деньгах. Столкновение было практически неизбежным, во всяком

случае, его было очень трудно избежать. Мы, наоборот, предпринимали всё усилия, чтобы не поддаться на провокацию. Решение о блокировании 1-й грузинской школы Форумом не принималось. Народ собрался там стихийно. Это действовали уже другие, параллельные силы. Причем, как правило, в таких случаях начинает действовать не лучшая часть массы. У нас был куда более продуманный план, но, к сожалению, реализовать его не успели: в другом месте города, в парке им. Руставели, где митинговавшая толпа грузин напала на двоих абхазов, вспыхнула драка. Вечером 15 июля действия руководства НФА были уже слаженны, взвешены. Был штаб действий, который работал четко; у каждого члена Президиума и многих активистов НФА имелось свое поручение. Например, с задачей руководства людьми, которые собрались на площади Ленина, хорошо справился Игорь Мархолиа (Марыхуба). Я считаю, ошибкой руководства республики было то, что, не посоветовавшись с нами, они вывезли всех мужчин, приехавших на эти события, из Сухума, заполненного враждебно настроенными грузинами. Но противник тогда все же понял, что имеет дело с людьми, не думающими отступать. Таким образом, в целом июльские события показали, что мы - организация дееспособная и что народ с нами, и противник почувствовал это и умерил пыл.

Безусловно, письмо 88-го года сыграло свою роль катализатора в происходивших тогда процессах. Но оно, думаю, не было непосредственным поводом, по крайней мере - единственным поводом создания организации.

«Эхо Абхазии», 1998г.

КУРОРТЫ – ОБОЮДООСТРЫЕ

Обычно курорты – это обещание отдыха, укрепления здоровья, солнце, море, веселье. В то же время, при ближайшем рассмотрении, курорты не всегда и не во всем такое уж явление безобидное. Например, для пространства с такими климатическими свойствами, как в Абхазии, они создают опасность превращения его в сплошной курорт, со всеми вытекающими из этого последствиями.

В царское время были свои планы в этом направлении: мечтали превратить Абхазию с ее Сухумом в Монако, дабы русская аристократия и денежные тузы прожигали, проигрывали свои деньги не в иностранных кабаках и пансионах, а тратили бы их здесь, внутри империи. При этом совершенно игнорировали отношение к такой затее коренных жителей этой земли, для которых она могла стать продолжением бедствий, пережитых ими совсем недавно. Современные обличители, увлекшись критикой коммунистов и Советской власти и представляя царскую империю как жертву, стали изображать этого монстра чуть ли ни агнцем. Кстати, нечто подобное наблюдается, особенно в постсоветском пространстве, и в оценках капитализма, буржуазии, буржуазности, когда этот строй рисуется в самых розовых красках. Действительно, пути Господни неисповедимы.

В советское время проблема курортов стала насквозь политизированной. Центр не упустил бы такого удобного момента для своей пресловутой политики – смешения народов, языков, наречий, нравов в один коктейль – советский народ, и был заинтересован в расширении курортов, особенно в национальных республиках.

Весь «курортный план», который спускал Центр, Грузия выполняла за счет Абхазии, не прикасаясь при этом к своей части побережья. На первых порах это ее очень устраивало, давая ей возможность в ускоренном темпе заселять абхазское побережье грузинским населением, переселяемым сюда из ее глубинок. А когда уже отпала такая надобность, Грузия, с одобрения Центра, состряпала постановление, по которому запрещалось селиться на всем абхазском побережье в четырехкилометровой зоне от моря. Для абхазского населения это означало узаконение негласных резерваций, создаваемых годами грузинскими властями.

Известно, как создавался курортный комплекс в Пицунде. Хрущев, словно Петр Великий когда-то на берегах Невы, на зло или на радость, велел немедленно заложить курорт для трудящихся Советского Союза на этом мысу. При этом не посчитался с тем, что речь идет об исключительно важном заповеднике единственной в своем роде во всем мире уникальной сосны. Что, конечно, являлось возмутительным самодурством коммунистического самодержца. Кстати, эта ударная стройка всесоюзного курорта стала как бы плахой для Хрущева – его отстранили от власти, когда он поправлял здесь свое драгоценное здоровье. Не приняла ли природа участие в этой мести?

Раз уж такой неотвратимой была воля этого полуклоуна-полувождя, то без спешки, при более бережном отношении к заповеднику, размещение в нем курортного комплекса можно было решить с минимальными издержками. А существующий ныне комплекс вписывается в мыс примерно так же, как орган, которому по праву место в католическом костеле, вписался в знаменитый Пицундский православный храм.

Даже такой краткий экскурс в историю курортного строительства в Абхазии серьезно настораживает. Конечно, курорты – благо, если безумная эйфория в этом вопросе не приведет к совершенно противоположным последствиям, не обернется бедствием для этой же земли, для ее прекрасных

данных – красоты, целебного климата, ласкового солнца, голубого неба, теплого моря.

Потому необходимо строить сбалансированную курортную политику, строго-настрого соотнося со своими возможностями. Мы уже сейчас должны уметь делать прогнозы, рассчитывать свои возможности по тем же людским ресурсам, иметь представление о современных миграционных процессах, в случае надобности уметь регулировать их у себя, чтобы опять не возникли у нас неразрешимые проблемы, которые, кстати, уже наблюдаются в Гагрском районе при попустительстве, а может, и участии местных и республиканских властей.

Исходя из всего этого, уже можно делать выводы: например, о том, что нет необходимости в расширении курортов по всей Абхазии, речь может идти только о восстановлении разрушенного, реконструкции устаревшего и доведения его до соответствующей современной кондиции.

Особого щадящего режима требует наша столица. Здесь имеется несколько курортных объектов. И, видимо, необходимо еще восстановить для самих сухумцев бальнеологическую лечебницу в районе улицы Чанба. Там, как известно, имеются природные лечебные источники, и не использовать их по назначению было бы неразумно. Вообще, у столицы есть свое главное предназначение – быть административным и культурным центром, и никаких новых курортных объектов, кроме тех, что уже есть.

Более того, Сухум должен остаться в своих границах. Нет никакой надобности ему расширяться ни на метр. Он нуждается только в глубокой и серьезной реконструкции, восстановлении разрушенных, подлежащих восстановлению, приведении в порядок городских коммуникаций и канализации, это его ближайшие задачи.

Разговор о Сухуме напомнил мне об интересном очерке Н. Венедиктовой в 34-м номере журнала «Гражданское общество», в котором она пишет о депутате Парламента,

председателе комитета по межпарламентским связям, успешном предпринимателе, вообще интересном нашем молодом современнике Б. Бутба. Там же, рядом с очерком, напечатаны рассуждения его самого, касающиеся в основном Сухума, о романтической любви к нему, которую он хочет в дальнейшем выразить участием в его благоустройстве. В этих рассуждениях мне понравились планы реконструкции, намечающиеся в районе Красного моста, кинотеатра «Апсны», ресторана «Москва». Но насторожили планы застройки многоэтажными гостиницами и благоустроенными пляжами набережной в 500 метров, которые «они взяли и разрабатывают архитектурную концепцию».

Во-первых, в Сухуме нельзя возобновлять курортное строительство, это – столица; во-вторых, в Сухуме достаточно гостиниц, только надо где-то достроить, где-то отремонтировать, привести в порядок. В их числе – визитная карточка нашей столицы – «Абхазия» – архитектурный памятник, стиль которого должен определять колорит застроек и реконструкции всей набережной. И ни в каких новых многоэтажных гостиницах – ни в архитектурном, ни в экономическом, ни в демографическом, ни в эстетическом плане – нет надобности.

Все же, уважая мнение и отношение к своему городу Б. Бутба, веря в его благие намерения, хотелось бы спросить: по чьему решению, с чьей подачи раздают эти полукилометровые куски бесценной земли со священными камнями нашей истории? Не разновидность ли это полуподвальной приватизации, собственно говоря, передела имущества в узком посвященном кругу?

Сейчас повсюду, в том же Парламенте, с важностью первооткрывателей твердят о том, что всякое решение должно проводиться в рамках закона. Все мы хотим именно этого. Но если эти нарушения начинаются с тех, кто принимает законы?

К сожалению, на эти вопросы никто сейчас не дает ответа.

И все эти вопросы, так или иначе, касаются и курортов. Действительно, для такого края, как Абхазия, курорты – это джин, и всегда есть опасность, что лампа попадет в полное распоряжение могучей империи Прибыли, которую не интересует ничего, кроме максимальных прибылей. Потому она, лампа, должна находиться в руках такого повелителя, который знает и умеет распоряжаться ею и превращать заключенную в ней силу во благо для всех.

Дело за малым – угадать повелителя...

Журнал «Гражданское общество», №37,
2005г.

::

ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАКОН О ЯЗЫКЕ

Проблема языка у нас всегда стояла остро. Было время, когда нас лишали даже самого языка, и мы оказывали отчаянное сопротивление. А вот когда уже его судьба стала зависеть только от нас самих, мы просто недостойно себя повели и столько лет не можем снять крайнюю остроту этой проблемы.

Об этом говорилось, писалось много и многими. Одни старались писать честно и объективно, не обходя острых углов, трудностей, но и не теряя надежды на успех, при серьезном отношении к проблеме, другие - смутно представляя предмет обсуждения, не вникая в существо вопроса. Бывали и такие случаи, когда кое-кто из стоявших близко к кормилу власти или претендовавший на него, чтобы подальше задвинуть эту скандальную (по их мнению) проблему, насылали на свой язык всяких щелкоперов, писавших о нашем языке в оскорбительном тоне, принижавших его.

И я, в том числе, писал немало о проблеме языка и его месте в государственном строительстве. Но... еже писах, писах, а воз и ныне там. Потому уже, видимо, надо вести разговор о необходимых и срочных практических действиях. Начнем с того, что язык губит «безделье». Он должен быть загружен, работать в самых различных сферах. Наш язык объявлен государственным, а в политике и государственных делах продолжает оставаться декоративным, так и не став рабочим.

Кстати, мы иногда хвалимся тем, что абхазский язык изучается во всех учебных заведениях, начиная с начальных, кончая высшими, при этом прекрасно зная, что очень мало или вовсе нет рабочих мест, где нельзя обойтись без знания государственного языка, грамоты.

Все же, мне кажется, несмотря на то, что многое упущено, еще можно спасти положение без нежелательных издержек и потрясений, если только немедленно приступить к практическим действиям, дав работу государственному языку, чтобы разжать онемевшие государственные уста на государственном языке, наряду с официальным.

Для этого необходимо принять, наконец, закон о языке, который уже столько лет маринует наш Парламент, не задерживаясь, оперативно перевести какую-то часть государственного делопроизводства на государственный язык. Первым долгом – в администрациях абхазских сел, где вся документация составляется почему-то на неграмотном русском языке, когда это можно делать на грамотном государственном, которым, слава Богу, пока там владеют прекрасно. А для принятия этих документов в центре непременно понадобятся кадры со знанием государственного языка.

Это, конечно, не сразу решит все проблемы, так постепенно развяжется язык всего государственного аппарата, без нажима и принуждения.

В этом случае на ускоренный график работы должны будут перейти, наверстать упущенное и специалисты по языку, и фонд абхазского языка, и другие организации, ответственные по таким вопросам. Необходимо составить и быстро издать унифицированные словари по всей терминологии государственного делопроизводства и другие необходимые пособия, составление и издание которых так непростительно задержалось на многие годы.

Таким образом, если будет надлежащее содействие, этот процесс пойдет, и государственный язык прочно утвердится в своих законных правах хозяина.

И только там, где есть хозяин, все чувствуют себя надежно, в том числе и гость.

Журнал «Гражданское общество»,
2005г.

ИЗ РУБРИКИ «АБХАЗИЯ В ЛИЦАХ»

Знак Зодиака – Рыбы.

Любимый город – □ц□□-Сухум и Москва.

Любимые цветы – тюльпаны и все полевые.

Любимый актер, актриса – Одри Хепберн, Генри Фонда, Евгений Лебедев, Этери Когония, Мел Гибсон.

Любимый кинорежиссер – Тарковский, Барден Хуан Антонио, Бергман, Мел Гибсон.

Любимый кинофильм – «Главная улица», «Двенадцать рассерженных мужчин», «Иваново детство», «Земляничная поляна», «Инцидент», «Храброе сердце».

Вероисповедание – православный христианин

Партийность – беспартийный.

Любимое занятие – переписывать, дорабатывать написанное, подбирать по настроению стихи и читать. Беседы в кругу близких друзей, в том числе и на дружеских застольях.

Какие человеческие качества вы цените выше всего – порядочность, искренность, преданность, мужество.

Какие человеческие качества вам труднее всего простить – предательство, оно многоликое.

Ваше главное достоинство – никогда не жил только для самого себя.

Ваши недостатки – некоторая уступчивость, несдержанность.

Самая выдающаяся историческая личность – Спартак, Ганнибал, Ефрем Эшба, Андрей Сахаров.

Любимая телепередача – «Непутевые заметки», «Своя игра», «Вокруг света».

Кем хотели быть в детстве – художником.

Любимый алкогольный напиток – хорошая водка.

Любимое животное – лошадь.

Любимая книга – их много. Кроме художественных, всегда увлекали работы нравственно-философского характера; например, «Размышления» Марка Аврелия, «Нравственные письма» Сенеки, Ли Цзы – «Книга обрядов и установлений конфуцианцев», «Так говорил Заратустра» Ницше, позже экзистенционалисты, работы Федорова и, конечно, Хосе Ортега и Гассета, абхазская мифология.

Любимые писатели – их тоже много. Назову нескольких: Платонов, Буццати, Кортасар, Томас Вулф, Маркес, Юрсенар. Но есть еще писатели-классики, которых особо почитаю Это те, которые наиболее полно выразили дух своих народов, эпохи, – Лев Толстой, Данте, Сервантес, Рабле, Свифт, Фолкнер.

Любимый поэт – они у меня довольно хрестоматийные: Тютчев, Пушкин, Блок, Рильке, Элиот, Хименес, Басе, Цветаева, Заболоцкий, Иуа Когониа, Баграт Шинкуба. Я считаю, что человек, не почувствовавший вкус родного языка с молоком матери, никогда не постигнет неизъяснимого чувства поэзии.

Любимый композитор – первым делом, Вивальди и те, которые создали две великие наши песни «□□□□□□□», («Песнь о Скале») и «□□□□□□□□» («Песнь ранения»), Бах, Моцарт, Григ, Равель.

Какие тенденции современного мира вас тревожат – т. н. курортная и туристическая индустрия, глобализация, атомизация и все то, что ведет к духовной нивелировке, превращающей человека в узколобого субъекта, влюбленного больше в машину, чем в саму жизнь.

Какие тенденции вселяют надежды – появление щадящего режима во всем. Первым долгом, не позволяющего переступить порог познания; за которым таится всеобщая гибель, не позволяющего сломаться древу познания под тяжестью своих же плодов, сокрушая Адама, Еву и змея-искусителя.

«Эхо Абхазии», 2002 г.

NOTA BENE, ИЛИ МЕСТА, НА КОТОРЫЕ СТОИТ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ

Осень прошлого года из-за печально известной эпопеи с выборами нового президента республики, наверное, запомнится надолго и войдет в летопись наших всенощных хождений по мукам.

Обычная осень – итоги одного урожайного года. Но итоги общественно-политической жизни, государственной деятельности, более того, если это перевыборы президента, прослужившего два срока, включают в себя «урожай» не одного сезона и не одного года.

Эти выборы, конечно, были как никогда ответственными, первыми альтернативными со дня провозглашения независимости, но, несмотря на это, они не предвещали стать настолько драматичными, до самой глубины разворотившими все наше общество. Наше послевоенное существование полно событий, в том числе и очень драматичных, но по остроте, накалу, опасной парадоксальности и некоторым другим особенностям прошедшие выборы превзошли их всех.

Так или иначе, с тех пор, как у нас существует институт президентства, только эти последние можно назвать выборами, какими бы скандальными они ни были. Если на первых выборах подавляющее большинство электората даже в мыслях не могло допустить кого-нибудь на место человека, возглавлявшего страну во время войны, под началом которого оно завоевало свободу, то ко времени выборов на второй срок положение явно изменилось, уже начинались брожения, недовольство методами единовластного правления, появились первые политические движения, объявившие себя в оппозиции. Хотя оппозиция не была еще готова составить

конкуренцию существующей власти, выставить своих кандидатов, обеспечить их полноценной избирательной кампанией, но недовольство проникло уже в самую гущу народа, охватило и первые эшелоны от войны. Все же еще была сильна преданность первому президенту, и его возможное отстранение рассматривалось многими как свое поражение. Таковы свойства и механизм массовой психологии.

Учитывая все это и возможности администра-тивных ресурсов, находившихся целиком в их распоряжении, власти были вполне уверены в своем успехе. Но все же, не успокаиваясь на том, что у единственного кандидата еще достаточно был высок рейтинг, а в определенных кругах он все еще пользовался непререкаемым авторитетом, выборы президента на второй срок провели с формальным соблюдением положенных процедур.

Но вскоре, после переизбрания президента на второй срок и вступления его вновь на должность, многих ждало разочарование, и не только тех, которые и ранее не питали особых надежд, но и уверенно проголосовавших за него. Вместо того, чтобы используя горький опыт предыдущего срока, немедленно приступить к исправлению своих прежних просчетов, ошибок, и весьма серьезных, хотя бы лежащих прямо на поверхности, таких как, например, подбор кадров по родственно-клановому принципу, при котором происходила постоянная перестановка одних и тех же лиц, ни профессионально, ни нравственно несостоятельных; вместо того, чтобы остановить набиравшее темпы срастание коррупционных структур с властными, наконец, вывести на арену главный инструмент государства – закон, запылившийся в наших условиях, вернулись к старому, провалившемуся на деле курсу правления, и все усилия и изобретательность были брошены на его защиту.

А выстроенная им при первом президентском сроке система правления государством оказалась малопродуктивной, отвечавшей больше личным амбициям, чем интересам

государства и народа. Видно было, что кардинально изменить что-нибудь старые власти уже не могут, видимо, и не желают. В то же время нужно было сохранить свой электорат, своих сторонников, которые все эти годы планомерно внедрялись повсюду.

С другой стороны, некоторый спад энергии народа, усталость, заметная сразу после войны, постепенно проходили, и начинался процесс восстановления душевного, психологического равновесия, общественно-политической активности народа. Уже не так легко было подобрать в свою команду новых, дееспособных и в то же время полностью зависимых, подотчетных хозяину и безропотно следовавших за ним людей, которые составляли по сути касту с обязывающей догматикой.

Уже было ясно, что на предстоящих выборах скидок не будет. И, конечно, президент, вся его свита, их постепенно расширявшееся окружение, совсем неплохо устроившееся за эти годы, с полуслова понимавшее власть, хотели оставить все, как есть, и немедленно приступили к подготовке почвы для будущих своих ставленников на президентский пост.

И, как показали потом события, в этом сохранении прежнего режима и угодных ему лиц были заинтересованы и некоторые российские круги, в том числе и поли-тические. Прикрываясь политическими установками высших государственных кругов России по отношению к Абхазии, на которые уповает вся абхазская общественность, власть использовала их в своих, в основном, меркантильных интересах, ориентируясь на те будущие кандидатуры на высшие посты, с которыми удобнее было бы решать свои проблемы.

Нет надобности доказывать здесь доподлинность, неизменность искреннего расположения нашего народа к великой России, его желания находиться под могучей ее дружеской сенью. В то же время у нас есть надежда, что в России, в том числе и в высших эшелонах власти, уважают стремление нашего народа к свободе, объявленную нашу независимость,

вековую мечту построения своего государства как единственную форму сохранения себя как народа, своей культуры, языка, самобытности.

Эта вера была несколько омрачена поведением российских ревнителей уходящих наших властей и их ставленников, грубым вмешательством в наши сугубо внутренние дела, не посчитавшихся даже с волею большинства населения страны. Еще больше возмутило, насторожило то, что это происходило с подачи и согласия уходящих, но не очень желающих уйти властей. Это лишний раз доказывает, насколько эти власти зашли далеко в служении своим интересам, а не общим.

Более того, эти российские ревнители принесли на прошедшие выборы не только свою технологию, но, как известно, и немалые средства.

С помощью этих средств плюс отчислений из нищенского нашего бюджета удалось довольно быстро заморочить головы легко поддающейся части масс, в которую входят представители всех сословий, в том числе интеллигенции. В этой избирательной кампании, к сожалению и стыду, именно эта часть интеллигенции доводила себя и других до неистовства.

Как, каким образом за такое короткое время люди, большинство которых стояли рядом в самые трудные минуты, переносили все тяготы войны и послевоенного времени, превратились в непробиваемую толпу?

Коренные изменения, произошедшие в связи с войной, победой, свободой как нравственной категорией, во многом изменили расстановку сил. В частности, отношение к власти, которую возглавляли в основном лица, еще накануне войны участвовавшие в национально-освободительной борьбе и проявившие себя во время войны, стало, можно сказать, панибратским.

Но вскоре место этой недолгой эйфории панибратства заняла старая, как мир, истина о том, что даже в моменты самого тесного сближения не могут быть идентичными в своих действиях, чаяниях власть и народ, как в известных строках Р.

Киплинга, ставших изречением: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут».

Так и должны они сосуществовать, пасти друг друга, находиться в постоянном диалоге, помогая и порицая друг друга. Но последнее слово, конечно, принадлежит народу, и об этом всегда должны помнить правители, как разумный человек помнит о смерти.

Так, видимо, и начались испытания новыми, доселе неведомыми, обстоятельствами.

В послевоенное время на первых порах казалось, что интеллигенция словно взяла долгосрочную отсрочку после длительной, упорной, утомительной борьбы, что общество забыло о том, что властям всегда надо напоминать об их обязанностях, об их ответственности. Уже не существовала единственная предвоенная общественно-политическая организация «Аидгылара», которая была вправе напоминать об этом в любых ситуациях.

Можно сказать, что она перестала быть действующей организацией перед самой войной, как только почти все ее руководство вошло в депутаты Верховного Совета Абхазской АССР. Действительно, депутаты из «Аидгылара» были едва ли не самыми заметными в тогдашнем Парламенте. Но во время войны Парламент и, соответственно, депутаты не играли какой-нибудь существенной роли. А после войны, если и играли, то, как мне кажется, роль потешных полков.

Непонятно, однако, как руководство второго, ставшего последним, периода деятельности организации «Аидгылара», организации, сыгравшей исключительную роль в национально-освободительной борьбе, в сплочении народа вокруг идеи независимости, могло так обойтись с нею, фактически выбросив ее, как неблагодарные люди выбрасывают в реку мост-кладку, по которому они перешли на другой берег. Можно же было, хотя бы на время войны, создать батальон с ее именем из многочисленных ее активистов. Но вместо этого она была распущена, а для ее председателя создали

совершенно ненужный отдел при военном штабе. Видно, кому-то невыгодно было существование столь популярной, востребованной организации. А за счет войны можно было многое списать.

А послевоенную возню вокруг «Аидгылара», якобы для ее воссоздания, затеяли для отвода глаз, чтобы успокоить общество, в котором еще жила ностальгия по ней.

На самом же деле никого из бывшего ее руководства уже не интересовала общественная организация, появились другие интересы, другие перспективы.

Новую же попытку возродить «Аидгылара», которая была предпринята перед этими выборами не без участия упразднивших ее, можно квалифицировать только как осквернение могил.

Наконец, пока не будет составлена подлинная история этой организации и ее деятельности, невозможно дать верную оценку всем событиям, происходившим в Абхазии в конце прошлого столетия и в начале нового. История о том, как организация «Аидгылара», став во главе национально-освободительного движения, обобщила опыт всей многолетней борьбы и на этой основе начала новый этап на этом пути, качественно обновив, приспособив его к новым условиям. Она создала по всей Абхазии первичные ячейки, организовала сход, всем сходам голова, знаменитый Лыхненский сход, в котором приняло участие 40-45 тысяч человек и где произошел прецедент, которому не было аналогов на всей территории Союза за все советское время – под Декларацией независимости подписались почти все партийные и государственные деятели республики во главе с первым секретарем обкома КПСС.

«Аидгылара» провела, еще при отчаянном сопротивлении центра и местного руководства, съезд представителей горских народов Кавказа и создала Ассамблею горских народов, впоследствии переименованную в Конфедерацию горских народов Кавказа, по аналогии с республикой,

созданной под руководством Ефрема Эшба и чеченского революционера Шерипова в 1918 году и признанной Лигой наций.

И все это было сделано на первом этапе деятельности «Аидгылара». Именно первый состав руководства «Аидгылара» заметил и выдвинул кандидатом в народные депутаты СССР В. Г. Ардзинба, и сделал все, чтобы он был избран.

И не только Ардзинба, но и большинство из восьми кандидатов в народные депутаты СССР абхазской национальности стали депутатами только благодаря усилиям актива этой организации.

И вопреки ползучей молве, распространяемой тогда и сейчас любителями злословия, опять же с чьих-то подач, о якобы несоответствии большинства из них своему назначению, все они были достойными депутатами, достойно представлявшими свой народ. Понятное дело, ни в жизни, ни в службе не бывают все одинаковыми, в том числе и по способностям, также, как и пальцы на руках. Но также, как и пальцы на руке, каждый был незаменим на своем месте. В Верховном Совете СССР без общих усилий, в одиночку, будь ты хоть семи пядей во лбу, невозможно было достичь каких-то серьезных результатов. Например, известное выступление Владислава Ардзинба на съезде народных депутатов СССР стало возможным благодаря общим усилиям депутатов. Именно в такой среде, в такой обстановке проявились и укрепились новые возможности Владислава Ардзинба, которые были поддержаны остальными депутатами. И дальше, сначала на посту Председателя Верховного Совета Абхазской АССР, потом в военный период они стали заметнее и вывели его имя на первое место среди имен, сыгравших исключительно важную роль в этих судьбоносных событиях.

Историки, которые будут писать об этом важнейшем периоде нашей истории, выдвинувшем немало таких личностей, прежде всего обязаны дать исчерпывающую характеристику

об-стоятельств, легших в основу всех событий последних десятилетий.

Вот тогда и появится возможность понять характер вооруженного противостояния Грузии и Абхазии, который называют конфликтом. В нашем случае это было восстание нашего народа. Восстание против всего, что держало нас веками в неволе, угнетало, не давало высвободить энергию для свободной реализации себя как народа, против всех этих черных сил, которые в последние десятилетия олицетворял крайний грузинский шовинизм.

Без такой почвы, без такой подготовки, о которых говорилось выше, навряд ли народ оказался бы в состоянии восстать и одержать победу. На этот раз, можно сказать, что обстоятельства подготовили почву для личности, а не наоборот. Без такой почвы В. Г. Ардзинба не смог бы проявить себя как лидер.

Для подтверждения того, что обстоятельства могут иметь решающее значение, обратимся к недалекому прошлому. Например, если бы была хотя бы небольшая подготовка, особых трудов не составило бы изгнание грузинских меньшевиков, оккупировавших Абхазию с 1918 по 1921 гг. Несмотря на то, что вооруженный революционный отряд «Киараз» не раз сталкивался с ними, он не ставил перед собой непосредственную задачу изгнания меньшевиков, считая, что его цели другие, пошире.

Задачу изгнания грузинских меньшевиков из Абхазии поставил перед собой, как бы ни было это странно для того времени, князь Таташ Маршан, учившийся в свое время в Петрограде в пажеском училище. Как известно, он сумел высадить небольшой десант в 500 человек, состоявший из махаджиров, прошедших турецкую армейскую службу. Одновременно они выгрузили немало оружия для раздачи на месте. Местное население разобрало оружие и разошлось по домам. Люди не встали рядом с десантом, чтобы поддержать его освободительную борьбу. Десант после нескольких боев

вынужден был отступить и вернуться обратно – силы были слишком неравные. Князь был патриотом, он болел за Родину, но народ, который уже не подчинялся своим прежним господам и не слушался их, сам находился в неведении.

А если бы народ был хоть немного подготовлен, немного разбирался в расстановке сил, то взялся бы за оружие и за месяц-другой изгнал бы этих меньшевистских пижонов. Их внуки, которые противостояли нам в этой войне, были экипированы, вооружены на самом современном уровне, намного превосходили наших людей по численности, да еще рядом с ними встала наша пятая колонна – местное грузинское население, но ничего им не помогло – погнали их с нашей земли.

Это, прежде всего, результат того, что наш народ был подготовлен, был убежден в своей правоте и необходимости идти до конца.

Таким образом, всегда, когда идет речь о роли личности или обстоятельств, роли народа в истории, разумнее рассматривать их в сочетании, не выпячивая одно, не отрывая оба фактора друг от друга, особенно в нашем случае.

Особняком стоят в этом ряду личности, возникающие в смутные, кризисные времена, на кровоточащих стыках, разрывах веков, противостояний. Такой личностью является и Владислав Ардзинба.

Политика таких чрезвычайных промежутков, конечно, имеет свою специфику. Военное время руководствуется законами войны, но накал страстей предвоенных и зыбкость первых послевоенных лет зачастую тоже требовали неординарных решений, что приучало к произвольному, своевольному обращению с правилами и законами.

И после окончания войны, когда уже были составлены, приняты новые законы, на деле продолжалось произвольное отношение к ним, законы промежуточного времени продолжали действовать вовсю, оттесняя законы мирного времени.

Действуя подобным образом, Ардзинба сам предопределил то, что срок его политических методов реально закончил-

ся к концу его первого президентства. И второй срок лишь усугубил отрицательные черты его правления, довел их до предела, который и вынудил народ проголосовать против своего бывшего лидера.

Но околополитическая часть гуманитарной интеллигенции оказалась благодатной почвой для проводников нечистоплотных технологий, без которых не обходится в наше время ни одна кампания, и прежде всего избирательная. Именно эта часть интеллигенции, разочарованная в своей профессии, которая перестала кормить в послевоенное время, спровоцировала рост напряженности, до последнего поддерживая уходящую власть, от которой уже отказалась большая часть народа.

Президентская команда очень рано начала подготовку к новым выборам, в правительство были включены специально подобранные кадры, которые энергично взялись за дело, используя немалые средства. Они начали издалека, с московских журналистов, политиков, писателей, артистов, чтобы дать понять, что их там знают и ценят, а если понадобится, то всегда поддержат.

Эти встречи с артистами (их, артистов, всегда было несколько десятков), писателями доходили до неприличия. Невооруженным глазом видно было, что все это дешевая политика, и, конечно, никакая не любовь к искусству.

Можно понять поведение деятелей культуры с неудовлетворенными амбициями, которых свой же народ не удостаивал никаким вниманием, но непонятно, для чего нужна была такая подвеска президенту, который, несмотря ни на что, не испытывал дефицита во внимании, народ не забывал его заслуг.

Накануне выборов эта тенденция усилилась. Все, что происходило в Абхазии в последние 12-13 лет – военные действия, победа, послевоенное время, государственное строительство, внутреннее, внешнее положение, деятельность президента, его сподвижников – все это передавалось, рассматривалось

через призму взглядов московских журналистов, политиков, даже тех деятелей духовной сферы, которых обычно у себя не очень жаловали заказчики.

Спору нет, взгляд со стороны, в том числе из Москвы, очень важен. Но разве не также важно воспитание молодого поколения, прежде всего на своих примерах?

История нашей борьбы началась не с 1989 года, наши достойные предшественники вели ее даже в невозможных условиях одного из самых жестоких режимов в истории человечества, и всем, чем мы располагаем сегодня, в том числе самой ценной нашей ценностью – завоеванной кровью свободой, это всходы от их посевов, результат деятельности людей, стоявших у истоков этой борьбы.

Невнимание, даже незначительное игно-рирование таких важных моментов жизни народа ведет к ослаблению, прежде всего, нравственных основ его общественной жизни. А если искусственно посодействовать этому с помощью современных технологий, то результаты не заставят долго ждать. Наглядным примером может послужить то, что происходило с определенной частью общества, народа в разгар прошлых выборов.

Людей словно подменили. А на телевизионных экранах, плакатах, страницах газет, в том числе новоиспеченных, совершенно бесприн-ципных, безнравственных, мелькали, наряду с востребованными в том числе кандидатами в президенты, лица, не представлявшие для общества никакого интереса, разные доверенные консультанты, околополитические персонажи, почему-то тиражировавшие свои изображения во весь рост, в профиль и анфас, отдельно, в компании, в обнимку с разными знаменитостями, непременно закордонными, от этого соблазна не смогли уйти и некоторые кандидаты. И – как некое тревожное знамение – над всем этим высился лик так называемой большой политики, и он был настолько четок, что можно было преспокойно пересчитать все зубки.

А вот когда события стали развиваться не в выгоду этой части электората, один из их технологов, забыв о всяком при-

личии, стал требовать вернуть обратно потраченные средства. «Вы вернете эти деньги, если даже придется вытаскивать их из кишков ваших бабушек!» – бушевал он. А из кишков бедных бабушек известно что можно вытащить и вернуть ему.

Стоит так поступить не только с автором этого перла, но со всей, как говорится, королевской ратью, которая потратила деньги на оболванивание своего же народа.

Более того, они старались все свои грешки свалить на большую часть народа и его лидеров, которая отстояла свои позиции. Это напомнило случай столетней давности, когда весь народ объявлен был виновным, и недавнюю блокаду, насколько известно, официально еще не до конца снятую.

Таким образом, как только у народа, веками пребывающего без вины виноватым, появляется новая надежда на разрядку, находятся силы, которые не прочь вернуть его обратно к временам, перекрывающим ему дыхание.

Но слава Богу, одновременно с ними оказываются силы, которые преграждают им пути, чтобы не повторилось зло. Слава Богу, что не перевелись такие силы, такие люди, такие деятели в России и в Абхазии. И на этот раз они подоспели.

Их успеху, безусловно, способствовал народ, его протестующее большинство, без которого никакой договор не возымел бы силу.

И в дальнейшем мы не вправе успокаиваться, питать иллюзии. Охотники раскачать обстоятельства, расколоть и столкнуть народ изнутри не перевелись. Они могут появиться извне и внутри нас. Это как звездный насморк местных карьеристов, составляющих своеобразную пятую колонну, способную, ради своей выгоды и своего продвижения, пренебречь всеми нормами – и нравственными, и законными.

И, наконец, хотелось бы привести несколько примеров поведения некоторых характерных персонажей этих драматических событий. Это прежде всего интеллигенция. Если рассматривать современный народ как некоторое подобие фабрики, одним из основных выпускаемых продуктов ко-

торой является интеллигенция, то качество этой продукции является основной характеристикой самой фабрики.

Наша национальная интеллигенция, с самого своего зарождения, была сильна своей народностью, всегда находилась впереди борьбы за благо народа, его просвещения, его прав. А к концу прошлого века возглавила национально-освободительную борьбу народа, сыграла неоценимую роль в его подготовке, сплочении.

Однако нельзя сказать, что в последних событиях интеллигенция с честью выдержала испытание. Она была разрознена. Не удалось ее основной части возвыситься над событиями, ставшими чрезвычайными, действовать поверх барьеров и своей неподкупностью, объективностью влиять на все.

Ни один научный, учебный, учебно-просветительский центр не может похвалиться этим. Более того, часть интеллигенции вместе с той частью общества, которую так быстро оболванили, вела себя позорно, толкала людей на обострение, на раскол и противостояние.

Особняком стоят неправительственные организации Абхазии, которые на время избирательной кампании объединились в «Лигу избирателей за честные выборы», очень четко обозначившую свою действительно честную, объективную позицию в президентской избирательной кампании. У них всегда была своя позиция, они ей не изменили и на этот раз.

И те служители культа, которые представляли церковь в этих событиях, не всегда удерживались в пределах той черты, которую они обычно занимают, откуда всегда яснее просматривается водораздел событий, откуда видно, где чья правда, которая дает возможность объективной оценки. А нарушение этой черты тянет на грех.

Сейчас наша вера переживает начальный, очень ответственный период своего возрождения, и такие события для нее и ее служителей тоже определенное испытание.

Как известно, в жизни нашего народа особое место отводится людям почтенного возраста, и мнение каждого из них

уважается. Для решения важных вопросов, имеющих общественное значение, создавались советы, куда производился строжайший отбор. Совет не зависел ни от кого и должен был быть предельно объективен. Главным и единственным критерием для него был аламыс – освященная честь.

Современный Совет старейшин, созданный при президенте, проводил, конечно, определенную работу. Но быть при президенте – значит быть полностью зависимым от него, от его курса. А эти события показали, что такая зависимость парализует и не дает возможности объективно оценивать ситуацию. Поэтому в будущем его надо сделать независимым, чтобы участники его имели возможность независимого, объективного мнения. Иначе в декоративном совете, даже старейшин, нет никакого смысла.

На этих выборах, которые не всегда оказывались обеспеченными законами, роль и ответственность Парламента возросли. Эти выборы в действительности стали настоящим испытанием для него. Но, несмотря на множество издержек и то, что Парламент еще не совсем освободился от синдрома потешности, можно сказать, что он вышел из этой переделки, не дав себе захлебнуться. Очень важно, чтобы эти уроки не прошли даром, были бы помечены на картах, по которым ориентируются, и которые, видимо, следует существенно пересмотреть. (Кстати, надо напомнить парламентариям, что наш Парламент должен называться своим именем – «Аизара», как «Дума», «Альтинг», «Кнессет» и т.д.)

На этих выборах заявила о себе новая прослойка. Она еще не оформилась в самостоятельную силу, находится на начальной стадии оформления, рассыпана по всему электорату, партиям, движениям, группам. Это нарождающийся средний класс. В развитии капитализма он всегда играл большую роль, кстати, к нему относится и интеллигенция в своей наемной части. У нас он еще пока полагается только на свое чутье и идет с теми, кто, как ему кажется, лучше отражает его интересы на

данный момент. Он еще в тисках множества некапиталистических отношений, амбиций, предрассудков.

На этих выборах его представители принимали участие во всех противоборствующих кампаниях и везде выделялись своей активностью и нередко агрессивностью. Все же в конце концов чутье не обмануло их, и они в основной своей массе оказались на стороне большинства. Новому руководству, видимо, придется обратить на них особое внимание. С одной стороны, содействовать его дальнейшему формированию, поддержать вегетативный период его развития, с другой - перевести всю его деятельность в строгие правовые рамки, в пределы законности, что будет плодотворно для них и для государства.

Самое главное то, что в этих событиях проявил себя содержанием и сутью своего духа сам народ, показав опять свою состоятельность, не позволив наступить на вековые принципы своей нравственности, своего достоинства.

Это и есть самый важный урок, преподанный этими событиями.

К сожалению, они преподали еще и немало горьких уроков, выявили некоторые «кожные» болезни социального и национального происхождения, недостатки, слабости, которые при дальнейшем попустительстве могут стать помехой для главных достоинств народа, которые в очередной раз вывели нас из кризиса.

Конечно же, среди этих издержек есть неожиданные, происхождением связанные с крутыми, опасными поворотами в развитии общества при смене тысячелетий, веков, и детские болезни. Детские болезни в основном переносятся сравнительно легко, когда ими заболевают в детстве. Но случаи заболевания детскими болезнями взрослых всегда протекают с осложнениями, и нередки летальные исходы.

Для такого древнего организма, как мы, наш народ, на своем долгом пути выживания пользовавшийся больше народными устоями, чем государственными, обретение не-

зависимости, создание своего государства, альтернативные выборы – в сути своей как детские болезни, которые приходится переносить в переросшем возрасте, и недооценка их может привести к тяжелым осложнениям, к непредсказуемым последствиям.

Если детские болезни предполагают выработку у детей иммунитета к болезням, то будем надеяться, что это может случиться и во взрослом возрасте.

Благодаря принципиальной позиции народа, его подавляющего большинства, произошла смена изжившей себя старой власти, какой бы болезненной она ни была. И государство, и вновь избранное руководство стали перед новым этапом становления и развития.

Наша сверхзадача известна – она же основа нашей идеологии – независимость, построение демократического, правового государства. А разработка новых конкретных планов, задач – дело новой власти. Пока, видимо, рано говорить о новых шагах нового руководства. Собственно, пока и нет ничего, что можно было бы назвать шагом. А начальные действия будем считать тактическими к будущей стратегии.

А вот сменившейся власти приходится еще напомнить: «Уходя, уходи...». Надеюсь, никто не сомневается в мудрости этих слов.

Кстати, видимо, среди первых задач, требующих оперативного решения, является упорядочение всех законов сверху донизу, ибо неупорядоченность внесла много путаницы и в процесс государственного строительства, и в ход прошлых выборов. Среди множества этих законов, которые требуется привести в порядок, надо бы рассмотреть и вопрос о пенсии, вознаграждениях переизбранных президентов, чтобы это не походило на подаяние, что не очень вяжется прежде всего с нашей, пока еще нравственной ментальностью.

В заключение вспомним о том, что этот год - год Петуха. У нас в народе петух славится как вещун. И когда он прокричит,

ему вторят: «Если предвещаешь хорошее, прокричи еще раз, золотой гребешок».

И мы в унисон им повторим это: «Прокричи, прокричи, прокричи».

Свободный перевод с абхазского языка автора.
Журнал «Гражданское общество»,
2005 г.

СОЗИДАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК СКАЖЕТ: «КАЖДАЯ СТЕНА – ДВЕРЬ», И ОН ВСЕГДА НАЙДЕТ ЕЕ

– Алексей Ночевич, на прошлой неделе Вам исполнилось 74 года, с чем мы Вас и поздравляем. Вместе с тем, Вас трудно назвать, а тем более представить пенсионером. Несложно находиться в ритме жизни?

– Положение пенсионера предполагает особое состояние и особый ритм жизни.

Но, так или иначе, человек, имеющий отношение к творчеству, пока он в здравом уме и ясном рассудке, находится в муках этого же творчества. «Старость – это мир, который взамен турусов и колес, не читки требует с актера, а полной гибели всерьез...» – эти строки Пастернака тоже по этому поводу. Несмотря даже на степень дарования, ни положение, ни состояние пенсионера не освобождает и не отключает от будничной системы времени эту категорию людей.

– На Ваших глазах вершилась вся новейшая история Абхазии. Более того, Вы в том числе были ее делателем. Между тем, изменения происходили настолько серьезные, что каждый пятилетний отрезок новейшей истории страны – это совершенно разная Абхазия. Удается ли на каждом из этих этапов чувствовать глубину этих изменений и, что называется, находиться в контексте этих изменений?

– Эти изменения становились серьезными по мере прорастания семян, брошенных в почву национально-освободительного движения. В процессе борьбы этих изменений, ее главная идея – независимость государства как форма существования, самосохранения и развития народа – проходила совершенствование, соответственно геополитичес-

кому положению, индивидуальных качеств, достоверности истории самого народа, опыта многолетней упорной борьбы. В результате, была выработана модель не квази, а полноценного независимого государства, которая может послужить образцом для любого борющегося народа. Непосредственное участие в событиях, этих процессах не только заставляло чувствовать всю серьезность, и я бы сказал, рискованность происходящего, но закаляло, меняло самих авторов и участников. Если я и не отличался в этом отношении от других, то, может, оттого, что все это я чувствовал, как развернутую метафору.

– Могли бы Вы охарактеризовать общую динамику развития страны? Верной ли дорогой идем?

– Это – всеобъемлющий вопрос. Чтобы отвечать на такие вопросы, в частности, создан, насколько я знаю, специальный аналитический центр, что, конечно, правильно. Но в то же время, мнение каждого из нас имеет немаловажное значение. Вот и я, может, «не скажу за всю Одессу...», но думаю, что страна наша при всех трудностях, мучениях шаг за шагом продвигается вперед. Новое руководство, проявив благоразумие, не допустив резких движений, хотя исподтишка к этому подталкивали некоторые, так сказать, деструктивные элементы, которые имеют место быть у нас, оно взяло курс выравнивания, чтобы добиться устойчивости всегда кренившегося то в одну, то в другую сторону нашего жаждущего возмужания младенца – государства.

Много еще перед ними и нами всеми нерешенных проблем. Но есть уже верно схваченные моменты, видна кропотливая работа.

Очень важно и то, что новые власти повернулись к таким сферам, как наука и духовная культура, всегда влачившим жалкое существование. Вопрос духовной культуры, языка относится к числу приоритетных задач нашей государственности, как форма развития и защиты главных интересов самих себя.

– Сегодня история зарождения и становления Народного Форума «Аидгылара», то есть начало большого спора за будущее Абхазии – дела давно минувших лет. С высоты этих прошедших лет, что было сделано правильно нами в этом споре, а что нет?

– Я не раз писал о том, что Форум «Аидгылара» сыграл в свое время исключительно важную роль в борьбе за будущее Абхазии, обобщив опыт прошедших лет борьбы, стал началом принципиально нового этапа. Внутри самой организации не было серьезных расхождений, бывали споры в поисках новых путей борьбы. А все попытки повторить, возродить Форум уже после войны были, естественно, безуспешными. Более того, основополагающие идеи Форума положены в основу строящегося государства. А соблюдение соответствия этих идей программе их воплощения в жизнь – суть отношений общества и власти.

Я могу сказать только об одном очень существенном упущении «Аидгылара». Это – недооценка непредсказуемости противника, отсутствие разработанных вариантов своего поведения при всяких неожиданностях, неготовность к внезапности. Кстати, актуальность готовности к любому сценарию развития событий существует и сейчас, и будет существовать еще долго. Предсказать большую политику очень сложно. Потому мне кажется, что важно иметь тщательно обдуманные, хорошо подготовленные варианты своего поведения на самые разные случаи.

– Так сложилось, что культовые фигуры нашей страны, за исключением, пожалуй, лишь Вас, либо демонстрировали полную лояльность прежней власти, либо сохраняли нейтралитет. В чем причина Ваших расхождений с прежним руководством страны?

– Причина – это разочарование, которое наступило в связи с резким контрастом, пережитым очень болезненно. Контрасты между тем, что было сразу после войны, и тем, что стало в течение двух сроков президентского правления.

Сразу после войны была эйфория победы, вера в своего лидера, сплоченность, общий подъем. А в течение двух сроков правления В. Г. Ардзинба, с одной стороны, начало строиться государство, а с другой – появились и углубились симптомы правления, во многом противоположные тому, что мы ждали после войны. Причем, среди этих симптомов были и те, которые мы считали изжитыми, изгнанными вместе с врагом. Поэтому началась «дегероизация», в том числе и личности первого лидера. Пришло разочарование. Причем, все это после исторической победы. Было больно и обидно за нас.

– Сейчас кто-то в обществе уже испытывает эйфорию от успехов в развитии страны. Другие видят в этом развитии подвох. Что хорошо и что плохо в сегодняшней Абхазии?

– Словом, «что такое хорошо, что такое плохо...». Есть некоторые положительные моменты нашего развития, о которых я уже говорил. Но и отрицательного предостаточно. Я хочу сказать об оппозиции. Одно дело, когда кто-то высказывает свои, пусть даже бескомпромиссные позиции, протесты цивилизованно, отличает клевету от критики, это нормально. Но когда люди изображают оппозиционеров, исходя исключительно из карьеристских и меркантильных интересов, личной или клановой выгоды, это совсем другое дело. Это и есть «что такое плохо». Есть люди, оболванивающие определенную публику, которая не найдя себя в жизни, постоянно попадает под чье-то влияние и выполняет чьи-то желания.

– Можно сказать, «хаджимбизм» и «багапшизм» дали теперь уже два новых направления общественного мышления. Одно ставит во главу угла национальные ценности, для другого приоритет в развитии гражданского общества. Какая из этих позиций Вам ближе?

– Я бы не стал искать разницы в мышлении на уровне «хаджимбизм» – «багапшизм». Вообще, если смотреть строго, то два некогда претендента на одну власть, теперь оба при ней. И если им действительно нечего было делить, кроме власти,

то она уже поделена. А на сторонников еще пока действует сила инерции. Как говорится, «арфа сломана, аккорд еще рыдает...».

А что касается приоритетов, то это скорее формальное деление. Гражданское общество – часть национального. Оно не может существовать само по себе. Если в государстве все функционирует нормально, то каждый занимает свое место, свою нишу, ни больше, ни меньше. Если та или другая область начинает добиваться большего, чем ей положено, то значит, кто-то что-то пытается решать за государство.

Таким образом, я прежде всего за государство, где все решается не полюбовно, а по принципам демократического общества, в котором граждане живут под сенью защиты законов.

– Многие склонны считать, что сегодня наши писательские круги более заняты политической деятельностью. Согласны ли Вы с этим? И если да, то не деградирует ли в этом случае творческий потенциал абхазских писателей?

– Политическая деятельность - громко сказано. Вообще, надо заметить, что большинство участников общественно-политических движений - это не профессиональные политики, это, так сказать, «резерв». Да, и накануне войны, и задолго до нее абхазские писатели были в числе активных участников национально-освободительного движения. В стенах Союза писателей организовывалась «Аидгылара». И я сам был избран первым председателем Форума. Еще два-три процента писателей активно участвовали в политике, а остальные в подавляющем большинстве были наблюдателями, болельщиками, если так можно выразиться.

Политический бум начался среди писателей во время прошлых выборов президента. И сейчас именно писатели дольше всего находятся в состоянии поствыборной инерции. И что самое удивительное, среди тех, кто проявляет сейчас чудеса активности в политических и околополитических играх и занимается этим с поэтическим вдохновением, - именно те, кто

не принимал никакого участия в национальном движении, через что прошли все честные интеллигенты. Более того, это те, кто порицал все эти затеи, дабы иметь чистое досье. Смешно, если бы не было так грустно.

Конечно, слов нет, от такой политики, точнее, игры в политику, деградирует не только все писательское, но и человеческое.

– При всей спорности талантов многих ключевых имен в европейской и российской писательской среде, они все же генерируют массу новых имен. В Абхазии этого не происходит. Почему, на Ваш взгляд?

– Нынешнее состояние литературы во всем мире многих и многих не устраивает. Мне кажется, что литература переживает очередной, очень важный переходный период. В ней происходят процессы, соответствующие новому состоянию мира и человека в нем. Такие переходы всегда характерны лихорадочными поисками новых тем, новых форм, безудержным экспе-риментированием. Зачастую это буквально заводит ум за разум. Затем в деликатные литературные дела грубо и безапелляционно вмешивается бизнес, идет чрезмерная коммерциализация литературы. Обычно так называемые бестселлеры редко оставляют след в духовном развитии, их глотают, как французские устрицы.

Безусловно, все, что происходило с нашим народом, потрясения, наложили отпечаток на его духовное состояние. Но литературная жизнь у нас не зачахла, и более того, происходит рост, качественное обновление идей. О том, что наша литература не остановилась в своем развитии, говорит творчество некоторых молодых авторов, которое выдержано на уровне самой современной культуры стиха и прозы. Дело в другом: нет переводов, все лучшее, что создано абхазскими писателями, скажем, за последние 15 лет, остается в пределах узкой читательской аудитории. Порядка, установившегося в плане переводов национальной литературы в советское время, нет. А наладить все это заново оказалось делом сложным. Но искать выход из ситуации нужно.

– Востребован ли вообще писатель в нашем обществе? Будут ли к нему прислушиваться? И в этой связи, есть ли у Вас еще что сказать людям, стране, миру с помощью книги? Может ли быть это слово услышанным?

– Общество, в котором не востребован писатель, чахнет. Может быть, в каких-то слоях общества он слабо востребован, или совсем нет, но общество неоднородно. В обществе всегда должны быть слои, в которых востребована книга, а значит, и ее автор.

Если говорить об абхазском обществе, то уверяю вас, что если сравнить в процентном отношении с другими, более многочисленными обществами, в нем такой востребованности в писателе намного больше. Просто не так заметно это на поверхности, которая всегда кипит, бурлит, гудит повседневностью. Но не стоит утешаться этим. Так или иначе, такая потребность заметно спала.

Несмотря на эти сложности, у меня, например, не переводилось желание что-то делать по своей части, созидать. А основным качеством человека должно быть созидание. Это желание только возрастает с годами. Главным, как во всяком созидании, я считаю, делать любую работу, мобилизовав все свои возможности. Писатель, каждый созидатель - как садовник. Если сад плодоносит и плоды пригодные, посетитель всегда будет.

– С позиции прожитых лет, и писательского и политического опыта, в чем сегодня Ваша система ценностей? Что для Вас на первом месте, а что на втором или десятом?

– По большому счету система ценностей не меняется. Для меня опять на первом месте созидание: свежая борозда, первые всходы, долго томящие привкусом счастья, человек созидающий, творящий, открывающий... Созидающий человек скажет: каждая стена – дверь, и он всегда найдет ее. Да спорится всё в руках созидающего.

Беседовал Антон КРИВЕНЮК
«Чегемская правда», 2006 г.

СТОЛИЦА – НАШЕ ЛИЦО

Чего больше в облике Сухума – западного или азиатского?

Чтобы ответить на такой вопрос, видимо, надо выяснить, определяет ли облик города его архитектура или только тип культуры той страны, в которой он образовался. Более того, если этот город служит ей столицей. Наверное, и то, и другое.

Но не всегда Сухум был столицей. В своем эссе «Àйъа – Сухум, Сухум – Àйъа» я писал о том, что Сухум – прибрежная, отвоеванная колонистами часть города – крепости Àйъа, который издревле прочили в столицу и который стал ею только к середине 18 века, при абхазском владетеле Келеше Великом. Именно эта часть Àйъа, носившая в разные исторические периоды разные названия – Диоскурия, Себастополис, Сухум-Кале, всегда была колониальной.

И это определяло ее облик. Каких-то заметных следов греко-римского владычества, тем более турецкого, на территории Сухума не сохранилось, если не учитывать развалин крепости, основу которой заложили греки, достраивали римляне, позднее – турки; а также стелу, найденную на дне Сухумской бухты, и, видимо, привезенную из метрополии на надгробие какого-то знатного колониста. Привезенную, ибо в колониальном городе, всецело занятом такими вопросами, как работорговля, не могло быть какой-нибудь значимой творческой, духовной жизни.

Сухум стали отстраивать уже спустя некоторое время после присоединения Абхазии к России. Новыми колонистами были преимущественно представители разных слоев русского общества, отставные генералы, купцы, разного рода авантю-

ристы. Эти постройки, до сих пор во многом определяющие архитектурный облик центральной части города, отчасти носили оттенок дачной архитектуры западного типа. Владельцы этих построек тоже следовали западному стилю русского образца и щеголяли европейским костюмом, который все еще носили, как в первый раз, с особым пиететом. Для местного населения это было знакомством с современным состоянием западной культуры, от которого оно отброшено было далеко назад продолжительными историческими трагическими обстоятельствами.

И в то же время сама абхазская культура, сложившаяся еще до знакомства с Европой, в самом центре Евразии, уцелевшая от посягательств многочисленных завоевателей, по сути своей всегда была близка к западным ценностям. То, что, например, народная музыка, один из ярких показателей характерных особенностей любой культуры, в основе своей классична, свободна от каких бы то ни было восточных ладов, тому доказательство. И в основе института «Апсуара» лежат ценности, близкие тем же европейским. Собственно говоря, это «Апсуара», духовная микроцивилизация. Если расшифровать ее положения, касающиеся только морали, то они окажутся созвучными христианским заповедям. (К великому сожалению, из-за нашего собственного невежества, неизученности ее главных положений мы часто выдаем за нее ее суррогаты.)

Еще через некоторое время в Сухум постепенно стекаются представители первой национальной, европейски образованной интеллигенции, закладываются основы новой профессиональной культуры, письменной словесности, национальной школы, и начинается возрождение христианства. Таким образом, Сухум становится центром культуры своей страны1.

Современный Сухум – во многом город европейского типа. И это явление позитивное, соответствующее нашему менталитету.

И в то же время нельзя обойти молчанием и то, что мешает этому позитивному настрою Сухума, вызывает тревогу. Заметное падение духовного уровня, а значит, и нравственного, повальное увлечение молодежи и не только завозимой попсой, проповедуемый через нее блуд, вытеснение отовсюду, игнорирование местных, национальных духовных ценностей, слабость культурной политики городских, республиканских властей, политиканствующая и на все остальное оглохшая часть интеллигенции, общества. Волей-неволей все это создает некое подобие неоколониального отношения к своим же ценностям.

Очень важно, наконец, всем нам понять, что если под современным европейским костюмом, сидящим на нас уже довольно элегантно, не будет чувствоваться нормальный пульс нашей культуры, тысячелетний привкус нашего языка, пульс культурных и духовных наклонностей представителей всех народов, населяющих Абхазию, значит, этот костюм бутафорный.

И если мы это поймем и серьезно над этим задумаемся, мы осилим препятствия, появляющиеся на пути духовного развития нашего города, нашей столицы. А столица – наше лицо, и хочется, чтоб ничто не могло стереть с него прекрасные черты, в том числе и европейские.

Журнал «Гражданское общество»,
№65, 2006

К ЮБИЛЕЮ БАГРАТА ШИНКУБА

(Из текста несостоявшегося выступления на юбилейных торжествах, на которых чрезмерное рвение любителей многоглаголания привело к перерасходу времени)

Баграт Шинкуба, как всякий истинный талант, чувствовал свой народ – его древность, его современность, тысячелетний привкус языка и духа в их целостности, и внутренне это, за редкими исключениями, обладало своей независимостью. И, несмотря на трудное время, в котором пришлось жить и творить поэту, на идеологический плен, в котором томилось всякое творчество, тяжкие испытания, выпадавшие на долю его народа, на вынужденный, вымученный мажор и патетику, на которые ему приходилось идти довольно часто, в своих лучших произведениях он сумел запечатлеть и этот привкус, и этот дух – в слове, фразе, ритме, музыке, исходящей из его певучих строк и сыграть значительную роль в становлении и развитии родного художественного слова.

Баграту Шинкуба удалось разрешить своим творчеством и стараниями ряд важнейших задач, стоявших перед нашей поэзией, литературой, находившихся в процессе становления и развития: например, опираясь на опыт русского стихосложения, утвердить в нашей поэзии классическую форму организации абхазского стиха. Несмотря на совершенное различие структур, систем индоевропейских языков с кавказскими, в частности, абхазо-адыгскими, подвижность ударения в абхазском языке позволила ввести в абхазское стихосложение традиционную в Европе, России классическую его форму. И это не было механическим перенесением положений классического метода. Учитывая особенности своего языка,

фольклорной поэтики и чтобы слово, стих не оказывались в слишком тесном «корсете» строгой классической формы, он старался выбирать более приемлемые её положения, варианты, приспосабливая их к этим особенностям.

Так поэт стал первым разработчиком теории и техники абхазского стихосложения. Как много ещё можно сказать о творчестве Баграта Шинкуба, о его многогранности и особенностях, о его отношении к фольклору, блестящим знатоком и собирателем которого он являлся, эпичности его тонкой лирики. Можно говорить о нём как о превосходнейшем переводчике, поэтические переводы которого стали образцами художественного перевода и неотъемлемой частью оригинальной нашей поэзии, о его поэтическом языке, надолго давшем всей нашей поэзии новое зрение и т. д. и т. д. Но здесь ни время, ни место не позволяют сделать этого. Всё же, не сказать о том, что его творчество глубоко национально – значит, не сказать главного. То, что до сих пор национальное преподносится как нечто ограниченное национальными рамками, резкое разграничение национального и всечеловеческого – демагогия и абсурд. Ведь литературно-художественный материал, из которого вырастает художественное произведение, не этнографическое. Любой художественный материал содержит столько же национального, сколько и всечеловеческого. Художественно несостоявшееся произведение, не выдерживающее никакого уровня, считается несуществующим ни в национальном, ни в каком-либо другом. Всё, что создано на должном художественном уровне, принадлежит всем, в то же время не переставая быть национальным.

Творчество такого поэта, художника, как Баграт Шинкуба, который сумел из родного слова высечь искру, зажечь его, сделать достоянием высокого искусства слова, принадлежит всечеловеческой культуре, оставаясь в то же время глубоко национальным. Другое дело, что он больше известен в Абхазии, как, скажем, Блок и Есенин в России, Петефи в Венгрии, Бернс в Англии. А в своей широко известной книге

«Последний из ушедших», основываясь на исторической, генетической памяти своего народа, обращается к самой, что ни есть глобальной проблеме, которая не раз разрабатывалась в литературе, вообще в искусстве. Это об ответственности народов друг перед другом, будь они многочисленны или немногочисленны, о том, что грех, не в мистическом, а в чисто нравственном плане, совершенный когда-то одним народом против другого, в конце концов, возвращается, настигает и того, кто его совершил. Состоявшееся однажды нравственное падение народа, впоследствии жестоко мстит за себя.

В одном из своих юношеских стихов, к сожалению, неважно переведённом на русский язык, поэт пишет, как юноша мчится на своём коне, чтобы догнать и поймать сорвавшуюся звезду, не дав ей упасть. В жизни поэт догнал, поймал звезду, не дав ей упасть, и понёс дальше. И теперь она светит нам с вышины светом добра, красоты и свободы.

Да будет так навеки!

2007 г.

В ПОЛЬЗУ ПЕРИФЕРИИ

Одно из выступлений автора на семидневной конференции в честь памяти известного американского общественно-политического деятеля, писателя, публициста, политолога, известного энтузиаста советско-американских культурных связей, в частности, литературных, прово-димой американскими и советскими писателями, в которой он принимал участие.
(Паппердаун, пригород Лос-Анджелеса,
1992 год)

Уважаемые коллеги, дамы и господа!

Уходят 20-е столетие и второе тысячелетие. И в начале конца, в итогах двух тысячелетий и последнего столетия, проглядываются черты грядущего тысячелетия, его пролога. Это, прежде всего, ставшее глобальным – чувство единства человечества, по крайней мере, заметное стремление к этому. С другой стороны – невиданная активизация национального начала, всплеск этнической энергии, особенно угнетаемых в различной степени народов, ищущих выхода к непосредственному свободному включению в духовно-энергетическую систему человечества, стремящиеся освободиться от пут-преград, насилия, чинимых имперскими государственными, политическими системами.

Если в настоящее время сигналы бедствия, идущие из разных точек планеты, в том числе из распавшейся советской империи, где разыгрываются кровавые драмы межнациональных конфликтов и столкновений, быстро распространяются по всему миру, то это значит, что все болевые точки всечеловеческого организма стремятся стать сквозными. Это,

в свою очередь, предвестие того, что человечество стремится выработать и внегосударственные, внеполитические способы единения для защиты частностей и целого, это предвестие новых соотношений этих двух начал, более совершенных и более справедливых.

Прямым следствием этих процессов является еще одно любопытное явление: это, если не перемещение центров культуры, то, по крайне мере, усиление центробежных тенденций и заметное изменение в соотношениях культурных ценностей центров и периферии.

Как известно, в развитии мировой культуры в разное время главенствующую роль играли обычно два-три центра, имевших, несомненно, огромное значение в духовном развитии всего человечества.

Но это великая избранность имела и свои негативные стороны. Например, культурные творческие тенденции таких центров очень часто навязывались, а иногда внедрялись насильственно, как чужая религия, подвергая разрушению традиции локальных культур, одновременно нарушая биосферу культуры в целом. И в конце концов, насаждение двух или узкой группы культур постоянно приводило в известной степени к некоторой творческой стерилизации и духовной одноликости.

Потому, как говорилось выше, идет активизация национального начала, становится слышимым зов истоков, начинается распад устаревших, чаще всего насильственных связей и принудительных взаимоотношений, идут поиски новых, основанных на равноправии и добровольности.

Эти тенденции в общественной жизни перекинулись и на духовную сферу развития. Там тоже идет такое же активное обращение к истокам, языкам, прочищая старые протоки для новых, свежих творческих сил. И видимо, в третьем тысячелетии, 21 веке, этот процесс пойдет интенсивнее, и на каком-то этапе своего начального развития приобретет такие формы, которые изменят не только взаимоотношение

истоков и центров, но и их соотношение. Появится множество «периферийных» центров, «аккумуляторов» и «подстанций», призванных снабжать энергией новых по качеству взаимосвязей и взаимотяготений.

В таком процессе одна из первостепенных ролей принадлежит искусству слова – художественного и публицистического – оно лучше всего устанавливает контакты между народами и культурами. Потому что язык, слово – первоэлемент культуры.

Нынешняя встреча – тому пример.

Остается только поблагодарить организаторов и участников этой встречи. Я лично хотел бы, наряду с нашими хозяевами, здесь, американскими коллегами, организаторами этой встречи, поблагодарить и российских коллег, сделавших возможным и мое участие в этих встречах.

Итабуп! То есть, спасибо!

КУЛЬТУРА ДОЛЖНА НАЙТИ ПОДДЕРЖКУ У ГОСУДАРСТВА

– Уходит в прошлое большой пласт времени, ознаменованный немалыми событиями в жизни национальной культуры. Что, на Ваш взгляд, принес нам этот период, наступивший с победой народа Абхазии в Отечественной войне? И как этот период можно охарактеризовать?

– Если учесть то, что ушло не только XX столетие, но и второе тысячелетие – тогда это не просто большой, а огромный пласт ушедшего времени. Кстати, если позволить себе вольное обращение со временем, то, должно быть, не очень весело встречали конец первого и начало второго тысячелетия наши предки: уже 25 лет, как перестали тогда существовать Абхазское царство и династия абхазских царей. Правда, хоть немного скрашивало это положение то, что Баграт III правил вместе со своей матерью, абхазской царевной Гурандухт. Но уже начиналось другое, чужое государство, замешенное на всем другом, в том числе и другой культуре. Вообще одной из причин упадка и гибели Абхазского царства была недооценка своей культуры и игнорирование того, что она постепенно подменялась чужой.

Это тысячелетие мы встречаем немного лучше, с надеждами на перспективу, на построение своего и нового национального государства, приумножение своей культуры, и ничуть не будет преувеличением сказать, что это – результат тысячелетней борьбы нашего народа за свою свободу и независимость. Аж со времени падения Абхазского царства!

Нынешний послевоенный период наступил с надеждами, осуществить которые пока нет возможности. По крайней мере, в ближайшем будущем. За это время в нашей духовной культуре не было ничего такого, что говорило бы о подъеме,

но не произошло, как я думаю, и резкого упадка. Сохранены и стараются работать танцевальные коллективы, капелла, театр, выставляются художники, существуют творческие союзы, с трудом, но продвигается вперед, стараясь не уронить своего достоинства и значения, многострадальная, почему-то не очень жалуемая властями абхазская художественная литература.

Но все это очень зыбко, в ряде отраслей культуры наблюдаются заметный застой, некоторая творческая заторможенность, самоповторения, слабый приток свежих сил, слабость или отсутствие материальной базы, неопределенность в отношениях государства и культуры. И все это иногда напоминает тление, от которого не бывает ни достаточного, света, ни достаточного тепла. Такое положение вызывает серьезную тревогу.

– Алексей Ночевич, что же, по-Вашему, необходимо для того, чтобы национальная культура развивалась в полную силу, достигла наивысшего расцвета?

– Мне кажется, будет роковой ошибкой нашего государства, если она не учтет советский опыт в культурном строительстве малых народов, который, кстати, сохранился и в Российской Федерации, если оно не восстановит систему поддержки и финансирования своей культуры. Сейчас уже необходимо заложить твердую основу, хотя бы в документах. А указывать на законы рынка при таких соотношениях нашей культуры и ее аудитории – значит обречь ее на вымирание.

Культура – не капустник, явление не одноразовое, это не иллюстрация к торжествам и праздникам – это живой организм, который должен пребывать в постоянном действии и развитии. Государственная поддержка и высоко-профессиональные кадры, для подготовки которых необходимо иметь обширные программы на длительные сроки – вот что необходимо, чтобы у нас развивалась современная культура, наш народ за талантами не постоит. Не то участь государства, недооценивающего духовную культуру, будет схожа с участью стены, которую поднимали, складывая кирпичи без цемента или иного раствора.

– Какая область культуры более всего нуждается в поддержке?

– Нет ныне такой области в нашей культуре, которая не нуждалась бы в помощи и поддержке. Но при всем этом, видимо, учитывая наше нынешнее тяжелое положение, на первых порах некоторое предпочтение надо будет отдавать тем видам искусства, которые непосредственно связаны с языком.

– А какие процессы сегодня наблюдаются в литературном направлении? Есть ли яркие самородки?

– К сожалению, наблюдать сейчас за литературным процессом стало сложно. Мало издается, некоторые признанные авторы вообще не издаются. А по редким газетно-журнальным публикациям трудно составить общую картину. Одно известно, что наши писатели не ослабили своей творческой работы. А творчество молодых (их немного, но они талантливы) говорит о том, что наша литература обладает довольно развитыми традициями и может служить благодатной почвой для преемственности, творческих новаций, отвечающих современному уровню развития литературы.

Вообще, в жизни очень многое стремительно меняется – меняется взгляд на жизнь, на саму литературу, которая переживает во всем мире не лучшие времена, оставаясь в то же время, пожалуй, самой надежной, самой неподкупной отдушиной духовности. Все этот создает и новое, переменчивое содержание, требующее немедленного воплощения и новых форм выражения. Если писатель перестает «вариться» во всем этом, переживать все это, он как писатель перестает существовать. Хочется не быть обделенным в этом отношении, несмотря на труднейшие условия, заслоняющие иногда всякую перспективу, но мы избежали сией чаши.

– Вы мастер психологической прозы. Появились ли у Вас последователи среди молодых писателей?

– Никто еще в этом не признавался. Это обычно выявляют исследователи литературы, если действительно такое имеет место.

– Над чем Вы работаете сегодня?

– Обычно я, не закончив начатое, не брался за другое. Но в последнее время изменил своим правилам, работаю параллельно над некоторыми вещами в разных жанрах. Есть готовые к изданию вещи, есть и то, что близко к завершению, как, например, роман о прошедшей войне и, как говорится, ее окрестностях. Написана первая часть другого романа, начатого накануне войны, тема которого мне очень дорога. Сложнее с драматургией. Помимо «трудности» жанра, нужны и навыки. Их, навыков в этом жанре, у меня недостаточно. Но неотступно продолжаю работать над пьесой.

– Хороший писатель всегда пророк. Наступило новое тысячелетие. Каким оно будет для нас, для нашей культуры, нашего народа?

– Я не силен в пророчестве, но здесь, мне кажется, по этому поводу уместно еще раз вспомнить о конце первого тысячелетия. Тогда, встречая новый год, нашим предкам действительно было не до веселья, но, так или иначе, они встречали его наверняка абхазским новогодним приветствием. В конце второго тысячелетия мы также приветствовали друг друга. Тысячи лет абхазы сохраняли свой язык изустно, а в последнем столетии он приобрел письменность, на нем были созданы художественная литература, хорошо разрабо-танный литературный язык, его проходят в школах, высшей школе. Одним словом, он совершил олений прыжок длиною в тысячелетие. И уже сейчас мы должны мечтать о том следующем оленьем прыжке, длиною еще в одно тысячелетие, и всем нашим следующим поколениям должно хватить силы, духа и упорства, чтобы это свершилось, и тогда наши далекие потомки будут вознаграждены соответствующей духовной культурой и соответствующим авторитетом среди народов. Да сбудется эта мечта! Аминь!

Интервью вела Лейла Пачулия.
Январь 2001г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. ГОГУА,

Народного депутата СССР, писателя, Председателя Народного Форума Абхазии на I съезде Горских народов Кавказа 25.08.89.

Дорогие друзья, дорогие, очень дорогие наши братья, мужественные сыны мужественных народов коренного Кавказа, разрешите мне искренне и преданно приветствовать вас от имени нашего народа, интеллигенции, Народного Форума Абхазии, сказать вам сердечное спасибо за то, что вас привели сюда важнейшие проблемы в жизни наших народов, дальнейших связей, дружбы и братства.

Дорога братства и духовного тяготения, чувства тревоги за судьбы единокровной Абхазии привели вас сегодня сюда. Мы рады и счастливы видеть вас, ваши мужественные лица, ваши улыбки, услышать пленительные звуки ваших языков, наших языков, ощутить на этот раз сильнее и полнее нашу с вами духовную и кровную близость.

Духовное и братское тяготение близких народов друг к другу – явление, уходящее в глубь незапамятия. И нет на земле такого народа, который лишен был бы этого. И те культуры, те народы, которые оказывались под благоприятным небом судьбы, получали нормальные условия для общения с родственными и другими народами, способными на симбиоз, на мирное сосуществование с народами и их культурами, получали максимум той духовной подпитки, которой недоставало их национальным организмам, их духовным потребностям.

Но, к сожалению, многих из наших народов недруги всячески лишали таких условий. Эти недруги столетиями закрывали входы и выходы нашего Кавказа, делая брешь в непрерывной цепи связей родственных народов коренного

Кавказа, разобщая их на века. Это давало возможность не только разобщать сынов Кавказа, присваивать их материальные блага, но и возможность буквально высасывать соки несравненной духовной, этнической и этической культуры. К великому сожалению, избавление от этого не наступило и при иерархическом, сталинском решении вопроса в нашем государстве. В саму систему такой национальной политики не была заложена столь необходимая идея защиты немногочисленных народов, предоставление им равных со всеми другими народами в этой супермногонациональной державе. А это не простое милосердие, а первейший долг, альфа и омега мало-мальски прогрессивной революции.

При решении судеб немногочисленных народов, определенных разными автономиями, все учитывалось с позиций интересов союзных народов, которым малые народы отдавались без учета этнической, культурной, языковой близости, вообще испытанных временем тяготений определенных народов друг к другу, как бы на откуп за обещанное союзной республикой послушание центру.

И несмотря на все это, на губительные катаклизмы, свирепые штормы, с которыми встречался на пути своего следования из глубины времен, смывавшие его с палубы и посылавшие безвозвратно в пучину времен несметные сокровища культуры и духа, наш могучий и священный ковчег – Кавказ, сберег в своих трюмах столько духа и энергии, что еще способен доказать миру свою неистребимую жизненную и духовную силу.

Это все возможно только при возрождении наших тесных связей, преодолении последствий этого длительного перерыва в наших таких связях, важность которых хорошо понимали многие передовые сыны наших народов еще на заре революции.

И мы сегодня съехались, собрались здесь, в древней столице Абхазии, чтобы поговорить конкретно обо всем этом, положить начало дальнейшим тесным связям, выбрать на-

иболее оптимальные пути содействия коренной перестройке национального вопроса.

Разрешите еще раз приветствовать вас и начать работу.

Первый съезд горских народов Кавказа объявляется открытым!

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ВСЕНАРОДНОМ СХОДЕ В ЛЫХНАШТА
18 марта 1989 г.

Дорогие товарищи!

В очередной раз мы собрались здесь, на историческом месте, на Лыхнашта, где испокон веков решались жизненно важные вопросы, касающиеся судеб народа. Обидно и больно, что на пороге третьего тысячелетия, когда большинство народов планеты выходит на новые высокие рубежи в своем развитии, перед нами стоит проблема – быть или не быть. Но с болью приходит и решимость, которая не дает народу пасть духом. И сегодня, когда вся страна решительно стала на путь демократизации и обновления общества, появилась надежда, что наконец-то будет услышан голос и нашего народа и будет решен вопрос, несколько десятков лет волнующий его. Только политический, экономический и культурный суверенитет может сохранить Абхазию как социалистическую республику и абхазский народ как нацию среди равноправных социалистических наций, составляющих единый советский народ.

Народный фронт Абхазии ставит перед собой задачу объединить усилия трудящихся республики, направленные на качественные преобразования политической, социально-экономической жизни страны, формирование национальных взаимоотношений на основе принципов равноправия. Только восстановление изначальных принципов настоящей федерации может привести к истинному равноправию всех наций и народов нашей страны.

Возлагая большие надежды на Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, сегодня здесь должны принять

конкретные и обоснованные предложения, которые помогут вынести единственно верное решение по национальному вопросу.

Всенародный сход в Лыхнаште объявляется открытым!

ЖИЗНЬ – ЭТО ВЫСТРЕЛ В УПОР

– Что Вы ищете в потоке жизни и в творчестве?

– Появившись на свет, младенец издает крик, «проверяет» дыхание и сразу же начинает искать губами материнскую грудь, продолжение дыхания, жизни. Кстати, «дыхание» в абхазском языке – «апсы», от него произошло название воздуха – «апсып», позже значение слова расширилось, и оно стало обозначать и «душу».

В жизни поиски бывают двоякого рода: поиск того, что новорожденный сразу начинает искать, и поиск самого себя в жизни. Они могут довольно счастливо сочетаться. Но многие занимаются всю жизнь поисками первого. Я всю сознательную жизнь занимаюсь поиском самого себя. Никому, увы, не удается до конца понять и объяснить то, что происходит с ним и с другими. Все же у человека не иссякает желание разобраться в нескончаемых «почему?», «зачем?», «в чем?» и «как?»

В распоряжении человека – опыт, знания, накопленные человечеством, которыми он может пользоваться, но он должен выработать собственное видение и иметь собственное отношение ко всему.

У меня все началось в раннем детстве, на второй день после смерти матери. Она умерла ранним утром в канун Нового года, на восходе солнца. За ясным солнечным утром последовала резкая перемена погоды, и к вечеру пошел снег. Он шел всю ночь. Эта ночь для меня, оглушенного горем, прошла в каком-то забытье. На следующее утро я ушел незаметно от плачущих сестер, от соседей, заполнивших все помещения нашего дома, и, утопая в снегу, добрался до большой груши, под сенью которой любил играть. Прислонившись к ее шершавому стволу, задумался. И подумал тогда: раз смерть

«взаправду» существует, значит, существуют и драконы, которыми меня пугали взрослые, и страшные великаны, и злые старушки, ударом плети превращающие все живое в камни. Передо мной встала незыблемая и непреодолимая стена, называемая смертью. По одну сторону от нее находился я и то, что называется жизнью, а с противоположной – нечто непонятное, неподсильное, куда ушла душа моей матери, оставив охладевшее потухшее лицо, даривщее раньше ласку и счастье. Это было первое соприкосновение с вечностью, оставившее след на всю жизнь. Тогда же появилось у меня безудержное желание защитить все, что было на моей стороне жизни, помочь близким, прежде всего сестрам, сберечь их живые лица, ласку, счастье, которые они готовы были дарить мне и многим другим. И это желание только растет с годами.

Встретиться с собой для меня значит учиться жить, учиться быть человеком и стараться помочь в этом и другим. Литература и искусство - одно из главных прибежищ человека. Совершенный художественный стиль в моем понимании - это способ преодоления хаоса. Суть поиска в жизни и в литературе для писателя одна. У нее две стороны: осмысление действительности и сотворение альтернативного мира, который появляется в процессе творчества.

– Что побуждает Вас браться за перо, и насколько точно удается выразить то, что задумывалось вначале?

– Редко, когда автор бывает удовлетворен тем, как выразил задуманное. Сначала оно – как гроза собирается, осаждает воображение, лелеет слух, сладостно переживается. А как только садишься за стол, чтобы перенести это в слова, фразы, текст, все меняется, не поддается, не желает заточать себя в слове. Приходится терпеливо приручать и усмирять, в процессе что-то теряется. В состоянии непокорности оно лучше.

– Как вы оцениваете переводы Ваших произведений?

– В художественном тексте слова и фразы несут в себе свет и тень, запах и вкус, музыку и особенности стиля автора. Более того, каждый язык обладает своим лингвистическим стилем,

Гумбольдт назвал его «внутренней формой». Перенести ее без потерь на другой невозможно. На этом поприще были и есть великие мастера. Переводческие школы были и в советское время. Несмотря на многие удачные переводы, чаще текст переводили по подстрочнику и порой довольно неряшливо. Многое зависело от качества подстрочного перевода, который в последнее время делался практически на уровне перевода. Переводчику оставалось лишь произвести стилистическую правку и отредактировать текст. Можно себе представить, как много теряет текст в результате этих манипуляций.

Говорят, что человек, умирая, теряет в весе столько, сколько весит его дух. Он весит, видимо, немного, но это душа! То же происходит и с литературным произведением, оно теряет большую часть души. Как будто напряжение тока падает с 220 вольт до 170.

Я считаю, что перевод – необходимая составляющая развития литературы и всей духовной культуры. К сожалению, у нас сегодня переводческая деятельность «на нуле», и это очень печальный факт для нашей столь узкой читательской аудитории.

– Как Вы оцениваете путь, который прошла абхазская литература? Отметьте, пожалуйста, ее достоинства и недостатки?

– Наша художественная литература возникла из своих истоков, из устной словесности, которой была проникнута духовная культура народа. Это имело важное значение для создания тех особенностей, без которых нет оригинальной национальной культуры. В период становления на ее неокрепшие плечи навалилось все: идеологизация, цензура, политика ассимиляции. Несмотря на это, наша литература в лучших ее твореньях стремилась выразить особенности народного духа, найти сочетание его тысячелетнего привкуса и современной действительности. Тут мне приходит на ум высказывание известного ливанского поэта и мыслителя Джебрани: «Лучше строить хижину из своей природной сущности, чем высокий

дворец из сущности привнесенного». Если наша литература потеряет свою сущность, ее зерно, она разрушится. Многие писатели, стоявшие у истоков нашей литературы, поплатились жизнью за стремление сохранить это зерно. И сегодня нашей литературе нелегко, ей приходится перестраиваться в условиях очень резких политических, социальных и культурных перемен. Для всех литератур на постсоветском пространстве, привыкших существовать в условиях тоталитарного режима и освоивших целую систему приемов, с помощью которых удавалось донести до читателя правду жизни, испытание свободой оказалось нелегким. Наступило какое-то замешательство, и возникла опасность смешения свободы и вседозволенности. Оказывается, благо свободы тоже нужно осваивать. В связи с этим я привел бы два примера. Вспомним, как в одной из версий эпоса об Абрскиле он сбросил с себя оковы и, выйдя из мрака пещеры, ослеп от резкого света. И высказывание Сальвадора Дали о том, что все стоящее дается наперекор, благодаря несвободе, а свобода, если определить ее как эстетическую категорию, – это воплощение бесформенности, аморфности. Нынешняя наша литература, за некоторыми исключениями, во многом застряла именно в этом вакууме бесформенности, безвременья особого свойства. Проявлением является то, что некоторые наши писатели продолжают заниматься темами, изжившими себя и давно потерявшими актуальность, или переизданиями своих произведений иногда без отбора, ведь часть их, к сожалению, тоже изжила себя. Оптимизм в меня вселяют некоторые авторы, прежде всего молодые, свободные от старорежимных комплексов, они сравнительно безболезненно преодолевают настигшую нас бесформенность. И в конце хотелось бы добавить, что наша литература, кстати, как и вся наша действительность, после всех ломок, потрясений, изменений в головах и оценках, смены социальных устройств, нуждается во всестороннем анализе, отделении живого от мертворожденного, чтобы расставить все на свои места и поставить, как говорится, точки над «и».

):

– Обозначьте, пожалуйста, Ваш собственный путь в литературе.

– У меня уже был некоторый опыт, когда я стал понимать, что нашей прозе нужны качественные изменения. Вся наша литература была в состоянии развития и становления, в ней были ощутимы методы изустного повествования. Нужны были качественные изменения в искусстве текста, расширение возможностей почти девственного в этом отношении нашего языка. Я начал с малой формы прозы, с рассказа. Это очень емкий жанр, он может содержать много нерасщепленной энергии. В настоящее время рассказ – один из самых развитых жанров в нашей литературе, эту основу заложил Дмитрий Гулиа и стоявшие рядом у истоков нашей прозы С. Чанба. И. Папаскир, М. Лакрба, и вдохнули новую жизнь в него прозаики, пришедшие в литературу в 50-е и 60-е годы прошлого века. В развитие этого жанра внесена и моя лепта.

Рассказ, в свою очередь, благотворно повлиял и на жанр романа. Так, например, роман Даура Зантария «Золотое колесо», ставший одним из заметных явлений в новейшей прозе, составлен автором из его же рассказов, написанных и изданных на абхазском языке. Он талантливо и изобретательно скомпоновал их с помощью новых романных связок и сюжетов. Этот роман можно считать своеобразным авторским переводом с абхазского языка на русский.

Я продолжаю работать, стараясь не повторяться, и мечтаю о том, как все лучшее будет продолжено. Как один из моих персонажей, пахарь, мечтает опоясать земной шар свежей бороздой, засеянной добром.

– Что Вы думаете о жизни, о людях? Как относитесь к ним?

– Человеческая культура – это обработанная часть Великого Хаоса. Но хаос всегда присутствует в жизни, и борьба с ним, наверное, самый важный ее смысл. Человек хочет ликвидировать хаос и установить свой порядок, но, видимо, слишком спешит. У жизни же свой ритм и своя походка,

вряд ли стоит ее торопить. Одни философы говорят человеку: «Живи решительно!», другие: «Живи, рискуя!», а третьи: «Живи бдительно!» Лучше держаться третьего. Человеческая жизнь – изначальное одиночество. Жажда общения, любви, стремление друг к другу – все это попытка обменяться одиночеством. Главным содержанием жизни, помимо поиска смысла, должно стать благоговение перед истоками, гнездами общения – семьей, этносом, обществом. Глобализация, мне кажется, ведет к новой пролетаризации, а то и к оносороживанию, нивелировке и разрушению.

– Какие, по Вашему мнению, произошли изменения после войны? Можно ли на них повлиять и как?

– До войны в нашем обществе появилась трещина, которая разделила его на две стороны, противостоящие друг другу по политическим, национальным, имущественным и нравственным мотивам. После войны не стало одной из главных противостоящих сторон, но осталась значительная часть населения разных национальностей, которая была зависима, в основном экономически, от той части, которая покинула Абхазию. Она не находилась ни в каком политическом противоречии с ней. Эта часть населения до сих пор находится в некотором замешательстве, в ней живет ропот невысказанного недовольства. Экономическое положение до войны этих людей вполне устраивало. После войны оно резко ухудшилось. Свое место занял народ, который всегда являлся титульным, но до войны его почти не допускали к бирже разделения труда (распределения доходных и руководящих мест). Все делилось между теми, кто тогда «бабачил» и «тычил». После войны в городе появилось население, которое поменяло свое традиционное сословное место в обществе – это сельские жители. Часть из них успешно осваивает азы городского существования, другие – с трудом и, издержками, мешающими им самим и всем остальным. Вызывает сожаление, что они пытаются отсечь от себя навыки той традиционной среды, в которой выросли, которая у них в генах, той же «апсуара», защищав-

шей их от официального мира человеческих отношений. Им кажется, что, пожертвовав этим, они быстрее освоят городской образ жизни. Эти две группы населения плохо знакомы друг с другом, порой они игнорируют друг друга, что только увеличивает разрыв.

А вот интеллигенция, которая должна быть связующей и объединяющей силой, способной сгладить трещину, уродующую наше молодое и не до конца еще состоявшееся общество, страдает старыми и новыми непонятными болезнями, она разбросана и расколота. Самая активная и сплоченная ее часть, возглавившая до войны национально-освободительное движение и внесшая большой вклад в нашу победу, сейчас «разъехалась по разным квартирам». Одни нашли себя в государственном секторе, на службе, другие – в разных мелких партиях и организациях, не примкнувшие ни к кому одиночки ушли в себя или стали равнодушно взирать на происходящее – как негативное, так и позитивное. Я надеюсь, что это состояние временное и переходное, что наша интеллигенция придет в себя и проявит еще лучшие свои черты. Что же касается современных партий, то, как бы я ни относился с уважением ко многим их членам, проявившим себя в нашем общественно-политическом движении, сейчас их деятельность не кажется мне здоровой и полезной. Борьба оппозиции, которая начисто исключает конструктив и отрицает все, в том числе и положительные усилия власти, не желает видеть ничего, кроме негативного, может «завести» нас за грань дозволенного. Наша власть была избрана большинством народа, и это наделяет ее правами. Объективное отношение оппозиции к положительным сторонам деятельности руководства республики, а руководства – к критике оппозиции приносило бы больше пользы общему делу.

Мне кажется странным, что в средствах массовой информации нет полемики по многим важным вопросам, их обсуждения. Если бы они были, то, может быть, сработало бы азбучное «в споре рождается истина». Наша пресса, лестно называющая себя «свободной», за некоторыми исключениями,

не может выбраться из политизированности, от которой не продохнуть. То, о чем они пишут, порой больше похоже на политические сплетни, и то, что в обществе есть на них спрос, говорит о болезни. Не надо дразнить ее, надо лечить честным словом, сказанным пристойно.

– Какую роль в Вашем мироощущении играет природа?

– В нашем языке название природы «апсабара» состоит из двух смыслов: «апсы» – душа и «абара» – зримое, его можно перевести как «проявленный дух», «одухотворение». Современные абхазы живут на побережье и в предгорьях и не являются горцами. В прошлом горцами были жители Дала, Цабала, подножия Эрцаху и жители Псху. Но тогда и сейчас абхазы питают особое пристрастие к горам. С конца весны до осени со своими стадами и просто для отдыха поднимаются они в горы и входят туда как в храм. Весной, перед тем как вступить в зону альпийских лугов, и осенью во время прощания с ними, абхазы совершают моление в честь гор – ашханыхва. Пребывание в горах – это время очищения, когда надо выполнять правила, выработанные веками: нельзя лениться, сквернословить, скандалить и лгать. За нарушение полагалось наказание, надо было принести в жертву лучшего холощеного козла из своего стада. Наказывался и охотник за охоту во время гона, это время абхазы называют «временем рева быка», за то, что подстрелил вожака стаи и за другие нарушения правил. Там ко всему относятся, как к святыне: к потокам, озерам, лесам, валунам, вершинам. Человек возвращался в низину очищенным духовно и отдохнувшим душевно. Мое отношение к горам именно такое, и я стараюсь переносить его на всю природу без исключения. «Природа – это невеста, с которой сочетается дух», – говорил Гегель.

– Каково Ваше отношение к Сухуму, что Вы в нем ценили раньше и цените сейчас?

– Первый раз я побывал в Сухуме учеником 9 класса, и первое впечатление было очень романтическим. Позже, будучи студентом педагогического института, я стал относиться

к нему с пристрастием. Для меня он стал желанным, притягательным и ненавистным одновременно. Его притягательность была обусловлена тем, что он издревле, находясь в центре страны, был ее духовно-энергетическим узлом. В течение всей его истории захватчики «прикрывали» поток духовной энергии, непрерывно текущий к нему. В мое время это делалось открыто и цинично. Претенциозные застройки, парадные украшательства, культурные мероприятия, взятые напрокат, лишали его той естественности, которой и так не хватало. Во всем сквозили черты города, пропагандирующего привнесенное, он был пропитан доморощенным снобизмом.

Даже педагогический институт носил имя Берии. Сейчас я с улыбкой вспоминаю, как старался не вписать это ненавистное имя в свой студенческий билет и остаться незамеченным. И остался-таки до его разоблачения. В 50-е годы прошлого века наступило некоторое просветление. Снобизм, вынесенный на воздух, на верхний ярус ресторана «Амра», несколько демократизировался. Война частично очистила «авгиевы конюшни» города, но из-за всех потрясений, разрушений и перетекания населения из периферии он чуть не потерял черты города вообще, но, кажется, устоял. Впереди наш город ожидают качественные изменения, каких до сих пор не было. Основы я уже вижу, но еще не проставлены все соответствующие акценты.

– Какое свое качество Вы цените больше всего?

– Чувство ответственности и бескорыстие.

– Какое мешает и почему?

– Когда окружающие понимают эти мои качества превратно.

– Ваша любимая книга?

– Для верующих – это, наверное, всегда Библия. В литературе такую книгу назвать невозможно, хотя Достоевский считал своей «Библией» «Дон Кихота». Любимых литературных произведений у меня много. Произведения, созданные на родном языке, стоят особняком, я имею в виду настоящую

литературу. Говоря на родном языке, человек испытывает подлинные эстетические чувства, каких не может испытать, говоря на другом языке, даже если знает его в совершенстве. Поэтому хорошее произведение, написанное и прочитанное на родном языке, воздействует на. него сильнее и неизъяснимее.

– В какое время года и в какой час дня Вы чувствуете себя наиболее комфортно?

– Люблю весну как время цветения и обновления природы. А осень больше располагает к работе. Для меня самое особенное время дня – утро, начало, надежда. В детстве, просыпаясь, я видел огромное солнце над откосом. Прямо напротив восхода стоял граб с огромной кроной, которая закрывала солнце. Но когда оно всходило, крона светилась и переливалась в его лучах. Утро дарит нам день, а вечер его отнимает. Ночь – имитация смерти.

– Какое место в Абхазии Вам более всего дорого?

– Я люблю многие места. Но дороже всего мне место, где я появился на свет, где сделал первые шаги и открытия, где почувствовал горчащий вкус слов родного языка.

– Вы оптимист или пессимист? Ваше отношение к миру?

– Грустное, но не упадническое.

– Нашли ли Вы смысл жизни?

– Мне кажется, в абхазском эпосе есть великая догадка об этом. Абрскил, заточенный в глубокую пещеру темными силами, бьется, чтоб освободиться от цепей, которыми привязан к железному столбу, вбитому глубоко в скалы. Люди, лишенные его защиты и опеки, но помнящие его великие деяния, решают проникнуть к нему и освободить его. Не прошли они и половины пути, как слышат громовой голос самого Абрскила, который говорит о том, что им никогда его не достигнуть, ибо по мере их приближения, его настолько же дальше заносит в глубь пещеры, насколько люди смогли приблизиться к нему. И он попросил людей оставить усилия и вернуться. И там, на поверхности,

продолжить борьбу со всем, что уродует жизнь, превращает человека в раба, а землю-кормилицу делает бесплодной. Чем не смысл жизни? И творчество – один из лучших инструментов для этого занятия.

– И последнее. Можно ли подвести некий итог?

– Да. Никогда нельзя забыва ть о том, что ты – человек, что ты – смертен, что ответственен перед Богом, собой, народом, что жизнь – это поручение свыше. Как говорил Ортега-и-Гассет: «Жизнь – это выстрел в упор!»

Материал подготовила Елена ЗАВОДСКАЯ
25 марта 2008 г.

ДУША МОЯ СВЕЖА
(вместо послесловия)

Накануне войны, возможно в июле 1992г., я пришла в кабинет к Алексею Ночевичу, председателю Союза писателей Абхазии, чтобы поговорить о его жизни. Уже тогда мне хотелось написать о нем так, чтобы это соответствовало ему. Его жизненному опыту и мастерству писателя. Мы долго сидели, и он много рассказывал. Я, как ответственный школяр, дотошно все записывала. Было очень интересно, он умел рассказывать: немного отстраненно, как о близком, но другом человеке. Потом мои записи легли в «долгий ящик», потому что была война, и все то, что было после нее, тоже мало располагало к работе над этим текстом. А совсем недавно, случайно откопав забытую тетрадь, я стала ее листать и читать с интересом. Прочитав, поняла, что ничего, ни звука не сказать мне о Алексее Ночевиче лучше, чем то, что сказал мне тогда он сам. Поэтому вместо панегирика творчеству по случаю юбилея великого писателя Абхазии я предлагаю читателям его воспоминания о собственной жизни, ее событиях, людях и встречах.

Елена Заводская

«Мое село Аджампазра очень живописно. В его названии двойной смысл: можно перевести его как «заросли бузины», но бузина попала к нам из Америки всего 100 лет тому назад, а село – древнее; другое возможное значение – «дуб». Около села была большая дубовая роща. Помню, как ее вырубали. Дубы были огромные, и после их выкорчевки оставались гигантские ямы. Наш двор кончался обрывом, за ним внизу, метрах в 300, текла очень прозрачная речушка Геджирка».

«В 4-м классе я за один день прочел «Хаджи Мурата». Нашел тихое место, собрал необглоданные стебли кукурузы, при-

крыл ими ноги от изморози и читал. «Хаджи Мурат» – одно из самых сильных впечатлений детства. Купер, Лонгфелло писали об индейцах, но это были романтические впечатления, не более того. А Толстому удалось воплотить дух Кавказа».

«После окончания Сухумского Пединститута в 1955 году я уехал на учебу в Москву, в Литературный институт. Моими однокурсниками были Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Георгий Семенов. Виктор Шкловский читал нам «Теорию прозы» и был одним из самых интересных и располагающих к себе педагогов. В Литинституте была среда, которая много мне дала. До сих пор лучшие мои друзья – это те, с кем дружба началась там. У меня был очень хороший друг Артур Макаров, приемный сын Герасимова. Он умел дружить, и дома у него собирался очень интересный круг людей. Со времен Литинститута очень близкие мне люди Августо Мансо, мой однокурсник, поэт и переводчик; и Гарсиа Дионисий, философ, который писал иконы. Оба они испанцы. Гарсиа Дионисий – самый интересный человек из всех, кого я когда-либо знал. Дионисий познакомил меня с Гелескулом, выдающимся переводчиком. Геолог по образованию, Гелескул всегда работал по ночам, а днем – спал. Дружил я и с Тимуром Зульфикаровым. По его сценарию был снят замечательный детский фильм «Черная курица».

«Летом 1964 года, вместе с Дионисием и Макаровым, я впервые попал к Андрею Тарковскому. Его квартира была совсем пустой. Он использовал ее для съемок. Постоянно был в напряжении. Даже когда он говорил с нами, я видел, что думает он о своем. Тарковский помог мне поступить на курсы киносценаристов к Габриловичу, лучшему тогда киносценаристу. Однажды Тарковский показал нам большую неурезанную сцену из «Андрея Рублева» с языческим танцем. Я подобных фильмов раньше не видел, и он произвел на меня огромное впечатление. Но Тарковский сказал, что делает такой фильм в последний раз. Он отрицал сюжетный кинематограф. Позже Дионисий и Тарковский поссорились.

Гарсио считал, что у Тарковского не было мировоззрения в широком смысле... Я всегда очень ценил мнение Дионисия, но в этом случае не согласен с ним. Для меня Тарковский всегда был выдающимся режиссером. Остаться на курсах киносценаристов я не мог из-за семейных обстоятельств».

«Русская литература очень влияла на меня и всегда давила, я всю жизнь стремился уйти от ее влияния. Каждый народ самодостаточен, и у него есть собственное ядро. Облечь в слова духовную форму своего народа, его своеобразие – задача художника, и я всегда пытался это выразить».

«Я очень люблю Андрея Платонова. Он как природный орган. Многие считают его прозу стилизацией, но я не согласен и думаю, что его проза – это его жизнь. Люблю Бунина, лучшая его вещь - «Легкое дыхание»; позднего Чехова («Черный монах»); Мопассана – «Пышка», «Жизнь». Люблю французскую поэзию – Вийона, Верлена, Рембо. Очень люблю Камю и позднего Бёлля. Величайшая вещь – «Степной волк» Гессе; люблю современную испанскую поэзию; Франсуа Мориака. Восточную литературу знаю плохо. Американская литература XX века выделилась из других литератур. Ученичество у Европы закончилось, и они создали свою духовную основу, может быть, более свободную, чем в других странах. Поэзия светится в их вещах. Я очень люблю Томаса Вулфа, Фолкнера, Вирджинию Вульф».

«Бывают моменты, когда по-особому ощущаешь связь с космосом. Это не громкие слова. Человек видит многое душой, но говорить об этом почти невозможно. Наверное. В музыке это выразить легче. Несколько лет в детстве, потом в юности, я слышал удивительные звуки, очень стройные и долгие, это был не ветер, не шум воды, это была музыка. Потом все прошло...»

«Я знал одного парня. Он приехал из деревни, здоровый, рослый, в городе он стал заниматься боксом. Когда он кое-чему научился, ему дали партнера, и они вышли на ринг. Его партнер был небольшого роста, щупленький. Он мелко и часто

бил, а парень думал про себя: «Ничего, в конце я все равно развернусь и дам ему один раз так, что сразу уложу». Но бой кончился, он так и не уложил его, выдохся, а тот понемногу, тихо-тихо, побил-таки его хорошо. Вот так и с жизнью...»

Журнал «Гражданское общество»
2002г. №19

Содержание

Воспоминания о будущем..... 3
Не потому, что они наши, а потому, что справедливы... 10
Мы должны иметь план развития своей столицы..... 14
Постскриптум..... 17
«Я тебя хорошо вижу...»..... 32
Об «Аидгылара»..... 37
Курорты – обоюдоострые..... 40
Должен быть закон о языке..... 45
Из рубрики «Абхазия в лицах»..... 47
Nota bene, или места, на которые стоит обратить внимание..... 49
Созидающий человек скажет: «Каждая стена – дверь», и он всегда найдет ее..... 66
Столица – наше лицо..... 73
К юбилею Баграта Шинкуба..... 76
В пользу периферии..... 79
Культура должна найти поддержку у государства..... 82
Вступительное слово на I съезде горских народов Кавказа... 86
Вступительное слово на всенародном сходе в Лыхнашта..... 89
Жизнь – это выстрел в упор..... 91
Душа моя свежа (вместо послесловия)..... 102

?ҭқ

Алексей Ночевич Гогуа

ПОСТСКРИПТУМ

(СТАТЬИ)
На русском языке

ҿ□□□□□□□□□□ҿ
□□□□□□□□□

Редактор Т. Ю Алексеева
Технический редактор Л. И. Евменов

Формат 84x108/32. Тираж 500. Физ. печ. лист 3,4.
Усл. печ. лист 5,7. Заказ № 304.

ГПП “Дом печати”, г. Сухум, ул. Эшба, 168.

?ţŋ

?τ)

??τ